

Гай Юлий Орловский

Ричард

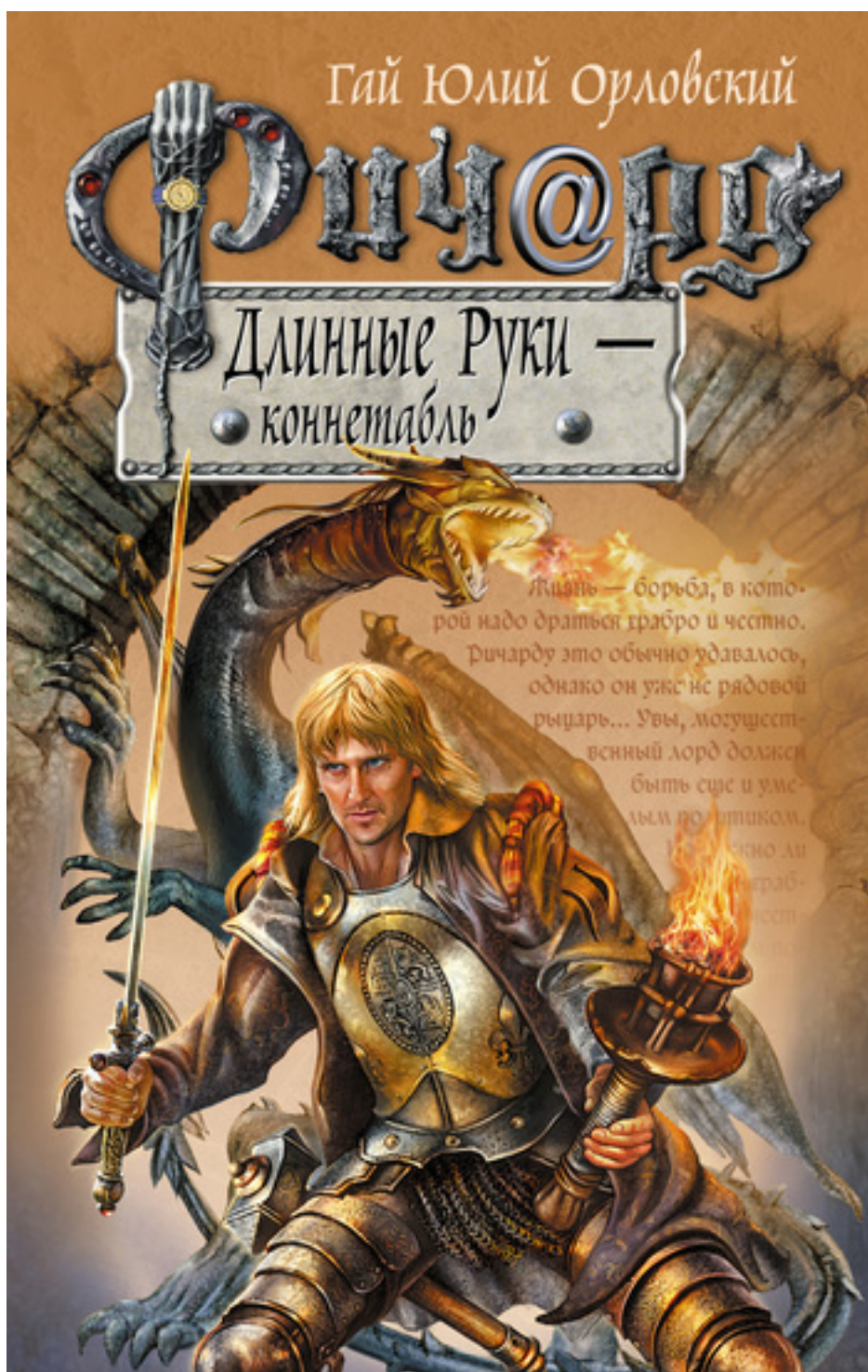
Длинные Руки —
коннетабль

Мача — борьба, в кото-
рой надо драться грабро и честно.

Ричарду это обычно удавалось,
однако он уже не рядовой
рыцарь... Увы, могущест-

венный лорд должен
быть еще и уме-
лым политиком.

Но что ли
граб-
ности



Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – коннетабль**

«ЭКСМО»

2007

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – коннетабль / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2007 — (Ричард Длинные Руки)

Зима – не лучшее время для походов. Благородные рыцари пируют в замках, сколько той зимы, а весной, когда снег растает, а потом еще и подсохнут дороги... Но Ричарду оказаться запертым на месяцы в замке – невыносимо. Тем более, лазейка на таинственный Юг все же есть...

© Орловский Г. Ю., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Орловский Гай Юлий

Ричард Длинные Руки – коннетабль

Часть 1

Глава 1

С напором и грохотом, словно в захваченную крепость, вошел в натопленный зал громадный человек, поперек себя шире, гулко топал ногами, стряхивая снег, хлопал широкими, как лопаты, ладонями по плечам. Обожженное морозом широкое красное лицо стало похожим на закатное солнце.

– Хорошо, – проревел он гулко, – на дворе тихо...

Сэр Растер единственный, кто облачается в рыцарские доспехи с утра и не снимает до вечера, иначе, мол, к лету, когда пора боевых подвигов, не сумеет выбраться из-за стола.

Позванивая шпорами, он прошел к длинному столу, рыцари шумно пируют с утра, облапил на ходу Митчелла, похожего на него больше, чем сын на отца, покровительственно хлопнул по плечу Макса.

– Хорошо!

– Как скажете, сэр Растер, – ответил Макс почтительно. – Во дворе упражнялись?

– Среди нас дураков нет, – гордо ответил Растер. – Особенно дураков выходить в такую погоду. С крыльца на метель посмотрел, и хватит ей.

– Да, – согласился барон Альбрехт, – нечего ее баловать.

Растер с усилием всадил себя в тесноватое для него кресло, Альбрехт любезно придвинул старшему рыцарю кубок побольше. Растер дождался, облизывая крупные мясистые губы, когда темно-красная струя заполнит до краев, мощным рывком поднял и мгновенно вылил в свой широкий рот, как в пропасть.

– За победы!

– Какие? – опасливо поинтересовался барон.

Растер отмахнулся и обеими руками придвинул к себе блюдо с жареным кабаном.

– Всякие, – прорычал он. – Разные...

Подо мной кресло выше, чем у остальных, тоже указание на статус, но я поглядывал на сэра Растера с острой завистью. Ему все понятно, он тверд и прям, у него строгие жизненные установки, идет по жизни честно и праведно... ну, насколько позволяют обстоятельства. И сэр Митчелл такой же, и сэр Макс, и даже сэр Альбрехт, который каждым словом и жестом бахвалится, что его не сдерживают никакие узы.

Сдерживают, еще как сдерживают! Это вот меня настолько не сдерживают, чему сперва радовался, теперь печалюсь. Полная свобода – жутковато. Скрываю от всех, даже от себя, что пугаюсь ответственности, оттого и дергаюсь, поступаю иногда так, что потом от стыда горю: то нахамлю старшим и уважаемым людям, то выкажу превосходство над простыми и чистыми женщинами, верными нравственным нормам своего времени... не такими уж и тупыми, если так уж честно, то вообще веду себя не адекватно обстановке...

И все оттого, что остальных что-то ведет, а меня – никто и ничто. Даже самые что ни есть свободные люди на свете, странствующие рыцари, которые никому не служат, только хранят верность своей даме, да и то не все ими обзавелись, – даже они скованы строгой рыцарской моралью, обетами, кодексом чести. Они не забывают перекреститься за столом и сказать несколько слов благодарственной молитвы, каждое слово и поступок регламентируют. За ними

следит не только Господь Бог, но и Пресвятая Дева, которой служат куда охотнее, а за мной никто не смотрит, я свободен, свободен, свободен... словно преступник!

Да, самые свободные люди на свете – преступники. Им и людские законы – по фигу, и моральные устои – придуманная фигня.

Господи, что я за чудовище? Повесить бы такое, дык не дамся же...

– Сэр Ричард! – требовательно проревел из-за стола Растер и помахал наполовину обглоданной кабаньей ногой. – Скажите слово!.. Это будет лучшей приправой к обеду.

Альбрехт мягко поправил:

– Лучшая приправа – присутствие на пиру красивой женщины.

Растер замолчал не потому, что немедленно вгрызся в кабанью ногу, а он вгрызся, просто в глазах вспыхнул жадный интерес. Макс посмотрел на меня с вопросом в больших чистых глазах высокорожденного эльфа.

– Сэр Ричард, – произнес он осторожно, – а когда спасенная благородная дама... ощутит себя лучше... она почтит своим присутствием?..

Я стиснул челюсти, из Фриды знатная дама как из меня танцор, но смотрят с ожиданием, я проямлил:

– Ее хрупкая и ранимая натура подверглась... да... колдовство очень мощное... времени забывает, кто она вообще... с нею надо очень мягко, а вы тут напугаете одним только ревом!

Сэр Растер встал и гаркнул так, что огоньки светильников заметались испуганно, словно под порывом урагана:

– Да никто!.. Мы все будем шепотом!.. Как церковные мыши под полом!

Сэр Альбрехт произнес так же вкрадчиво:

– Вообще-то присутствие женщины облагораживает. В каж-дом замке есть благородная дама.

– Да, – проревел сэр Растер, – это как гербовый щит над воротами замка! Кто видел замок без щита?.. Без герба и дамы – собачья будка, а не замок.

Макс сказал обидчиво:

– Замок сэр Ричард захватил только что! А готовой дамы здесь еще не было. Барон Эстергазэ тоже не успел в заботах бранных...

– Да, – согласился сэр Растер несколько добрее, – это хорошо, когда дама уже в замке. Мужа убил, даму изнасиловал – и вот уже твоя дама. Во всяком случае, замковая. В каждом захваченном замке – по даме. Дурак этот барон! Мог бы побеспокоиться.

– Дурак, – согласился и Альбрехт. – Все, кто не с нами, дураки.

Макс перекрестился.

– И Господь их накажет.

Все перекрестились, пробормотали «аминь». Некоторое время слышался только стук ножей по тарелкам и плеск наливаемого в кубки и чаши вина.

Я вытер губы краем скатерти, поднялся.

– Пируйте, пируйте, не поднимайтесь! Набирайтесь сил, скоро лето, пора походов.

Фрида испуганно обернулась на скрип двери. Я видел, как инстинктивно сжалась в комок и сторбилась в ожидании удара. И лишь увидев, что это не инквизитор, с облегчением перевела дух, даже попыталась несмело улыбнуться.

– Все хорошо, – сказал я с неловкостью и чувством вины, что ничего не могу для нее сделать больше. – Никто тебя больше не тронет!.. Мир жесток, но здесь ты под моей защитой, малышка.

Она прошептала со слезами на глазах:

– Я не знаю, как вас благодарить, ваша милость!

– А никак, – пояснил я. – Я просто возвращаю долг.

Она покачала головой:

– Нет, это наш долг – защищать своего сеньора.

– А долг сеньора, – возразил я, – защищать своих людей. И вообще, давай не меряться, кто кому больше должен. Ты здесь среди своих. Все к тебе настроены дружелюбно и рвутся защищать.

Она широко распахнула глаза.

– Меня? Защищать?

Я пояснил с неловкостью:

– Пришлось сказать, что ты из знатного рода. Но тебя выкрали еще младенцем злые колдуны, и ты росла в чужом замке вместе со слугами. Надо же объяснить мозоли на твоих ладонях.

Она посмотрела на свои розовые ладошки.

– Мозоли? Нет у меня никаких мозолей.

– Правда?

– Конечно, – ответила она. – Уж от мозолей-то я умею избавляться! Сэр Ричард, я уже выздоровела. Мне очень стыдно, что я в вашей постели, как свинья неблагодарная!.. Что подумают? Мне нужно вниз, к челяди. Я буду работать, я все умею делать! Я не буду в тягость...

Я отмахнулся.

– Знаю. Но ты не в тягость. Это я себе прощение так зарабатываю.

Она округлила глаза.

– Прощение? Вы?

– Не трясись, – сказал я почти грубо, – не перед тобой, а перед Богом и потомками. Кого повесил, кого зарубил, кого велел удавить или утопить – забудется, житейские мелочи, все так делают, а вот тебе помог – зачтется. И даст возможность говорить о моем человеколюбии и необыкновенной гуманности. Возможно, только это и останется. Мало кто скажет, чем велик Архимед, а вот что голым бежал по Сиракузам...

Она растерянно хлопала глазами, потом ее личико прояснилось.

– Ой, так вы это потому, что вам так надо?

– Ну да!

Она с облегчением вздохнула.

– Как хорошо! А то я уж себя изгрызла, что ни в жисть не расплачусь за такое... такое...

Я погладил ее по голове.

– Вот видишь, снял с твоей души камешек. Теперь бы кто с моей снял... Ладно, отдыхай, скоро и ты понадобишься. Сколько той зимы... тьфу, прицепится же!..

Она сказала робко:

– Я похожу по замку, можно?

– Иди, – разрешил я, – а то уже чувствуешь себя в такой же камере, верно?

Она покачала головой, улыбнулась печально и чуть-чуть хитренько.

– Нет, здесь хорошо. Но чтоб другие девушки не подумали, что я заняла вашу постель и никого в нее не пускаю.

От камина несет горячим сухим воздухом. Березовые поленья горят долго, от них всегда такие крупные и радостно-пурпурные угли. Вдоль стен ровно и мощно источают свет горящие фитили в круглых чашах.

А на столе меня ждет удивительная карта, на которой опасаюсь что-то отмечать или черкать: вдруг да отразится в реале.

За окном блеснул свет, словно солнце прорвалось сквозь тучи. С неба пал узкий луч света, настолько радостный и сверкающий, что сердце ликующе подпрыгнуло. И почти сразу по лучу вниз скользнула блистающая, как первозданный свет, человеческая фигура.

Ангел, а это явно ангел, плыл по воздуху прямо на замок. На миг каменная башня заслонила плазменную фигуру, тут же огненный ангел вынырнул с этой стороны, а затем, пересекши двор по воздуху, вошел в каменную кладку донжона.

Я отпрянул от окна, а из стены вышел в плазменном огне ангел в полтора раза выше самых рослых людей на свете. За плечами отливающие золотом огромные прекрасные крылья, мне показалось, что он весь из плазменного света, настолько блестящ и сверкающ, хотя его свет не режет глаз. Доспехи изумительной работы, на широких грудных пластинах панциря горят маленькие солнца, в поясе изящен, через плечо шитая золотом перевязь, но оранжевый огненный меч обнажен, ангел держит его в руке красиво и гордо.

Он взглянул мне в лицо, я онемел, лицо безукоризненное, а глаза как два солнца, смотрят мне прямо в душу. Вокруг бестелесного тела бурлит уже не море, а океан звездных энергий, но я не ощутил опасности, ведь это ангел, это его стихия.

– Сэр Ричард, – произнес он могучим красивым голосом, я ощутил его дружелюбие, покровительство и дружеское напоминание, кто он есть, и что его обращение нужно принимать иначе, чем слова гонца любой важности. – Сэр Ричард, тебе послание...

Я сглотнул ком в горле.

– От кого?..

Лицо ангела почти неразлично, помимо солнечных глаз, вижу только безукоризненной формы высокие скулы и широкий подбородок, что создают общий облик существа, рожденного повелевать. Еще я рассмотрел, как губы слегка изогнуло в усмешке.

– От кого? Такое должен чувствовать сердцем.

Я прошептал:

– Неужто... от Самого?

Из плазменного огня прозвучало:

– Сердце твое чувствует, хотя сам ты и полон сомнений.

– И что... за послание?

– Ты должен укрепить свою власть, – прозвучало из плазменного сияния. – Заставить покориться твоей власти непокорных лордов! И когда вся Армландия будет под твоей твердой рукой, ты должен добиться мира и процветания на отныне своих землях.

– Выполню, – сказал я и поспешно поправил себя, – постараюсь.

– И когда обеспечишь сытость и благополучие, ты должен просветить народ, обучить грамоте! Неважно, благородный или неблагородный восхочет учиться...

– Грамоте? – переспросил я. – Но ведь Иисус говорил, что блаженны как раз тупые и темные. Они, дескать, самые умные... где-то там глубоко внутри, потому их и возьмут в рай. А всякие умники будут гореть в аду.

Ангел кротко молвил:

– Иисус был Сыном Божиим, но все-таки от земной женщины. Кроткой, милой, богобоязненной и красивой, что, как вы понимаете, сэр Ричард, подразумевает некоторую... гм... туповатость, что в женщинах особенно хорошо и ценно. Все мы предпочитаем... гм, красивых, а если учесть, что все люди созданы по образу и подобию...

– Понял, – прервал я. – Господь Бог сам предпочитает туповатых. Нет, мужчин он предпочитает умных, а женщин... милых и щебечущих. Так что Иисус...

– ...был не прав, – мягко закончил ангел. – Ученье – свет, а Иисус по своей молодости полагал, что приятная полутьма лучше... Потому грамотность – одна из приоритетных задач. А также свобода, свобода, свобода! Человек должен реализовывать ее во всех направлениях...

Я слушал, слушал, уже все понятно, сердце стучит, самому страшно до жути, но в то же время задиристость берет верх, а также негодование, что меня стараются обвести вокруг пальца.

Ангел продолжал нравоучать, как я должен себя хорошо вести, это вообще ни в одни ворота, хочу и буду самодуром, я зевнул и сказал с предельным равнодушием, какое сумел изобразить:

– Ладно, кончай трюндеть. Знаешь, морда, пошел нах.

Ангел застыл на мгновение, затем из огня раздалось потрясенное:

– Что?

– Пошел, – повторил я с удовольствием, не каждый день можно послать ангела, – пошел, пошел, пошел... Меня, знаешь ли, уже пробовало разводить и покруче жулье, чем ты! Так что иди и являйся местным простакам. А я хлопец тертый.

Пылающая огнем фигура стала выше, очертания лица стерлись, теперь это сплошной бьющий в глаза свет.

– Да как ты смеешь?

– А вот смею, – ответил я нагло.

– Но... почему?

– Ты прокололся, – сказал я покровительственно. – Теперь понимаешь, почему Творец создал вселенную и отдал ее нам, несовершенным людям, а не вам, ах-ах каким совершенным?

Из плазменного огня донеслось:

– Не понимаю...

– И почему Творец, – сказал я, – послал сына своего, чтобы примириться с восставшим против него человеком и попытаться спасти его, человека... а не вас, совершенных ангелов? Вот, и этого не понимаешь... А я вот знаю, но не скажу. Так что иди-иди-иди, разводи лохов на вокзалах. Ты попал, хлопец, понял? Я тебе поставил простейшую ловушечку, а ты туда сразу, как дурак... кем ты, впрочем, и являешься.

Он исчез, словно его выключили, уже без торжеств и фанфар, а я хоть и с жалко трепещущим сердцем, но собрался с силами и похлопал себя по плечу: Бэкон прав, знание в самом деле – сила. Это малограмотные деревенские старушки да еще интеллигенты представляют верных Творцу ангелов светлыми, а Сатане – темными, а я не они, я-то грамотный!

На самом деле Свет и Тьма – понятия условные, больше нравственные, чем физические. И по этому поводу Библия предупреждает, что ни в коем случае нельзя доверять первому попавшемуся ангелу, поскольку тот может оказаться не вестником от Бога, а одним из падших ангелов.

А полагать, что наши должны быть обязательно в белом и чистом, а не наши в темном и коричневом, все равно будто все красивые люди – честные и замечательные, а некрасивые – преступники, фашисты и даже, страшно вышептать, патриоты.

Хороши были бы взбунтовавшиеся ангелы, если бы являлись человеку в виде грязных закопченных чертей с рогами, копытами и хвостами, да еще дурно пахнущих смолой и серой! Кто бы с ними разговаривал...

Но такова уж лень человеческого сознания. Если не наши – то сплошь гомосеки и спидоносцы, у них на морде написано, что дряни и подонки. Ну, как в старом кино, когда с первой минуты ясно, кто немецкий, а потом американский, шпион.

Ловушечку я поставил в самом деле проще некуда: спросил о Христе. Умным известно, что Божий ангел никогда не будет свидетельствовать против Иисуса Христа и говорить то, что противоречит Слову Божию. Если же ангел говорит не то, что в Библии, или трактует Священное Писание не так, как учил Иисус, то этот ангел послан не Богом, не Богом. Еще апостол Павел предупреждал: *«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»*.

Снизу доносятся не то крики, не то удалые песни, я уже выучил их наизусть все, но сейчас не до песен, как мне, так и другим. Появление ангела видеть могли многие, и меня пробирает

запоздалый страх: а не расправится со мной ангел за такое хамство? Тем более падший. Ему море по колено, никто не указ, Творцу не подчиняется... Он же меня как Бог чере-паху...

Однако, насколько помню, ангелы все-таки ограничены в своих возможностях. Да, могут мгновенно переноситься на любые расстояния, их не удерживают ни двери, ни стены, ни горные хребты: бестелесность рулит, однако ангелы не знают будущего, не понимают смысл пришествия Христа, не постигают помышления не то что Творца, но даже людей... Вообще-то будущее иногда предсказывают, но всегда только по откровению свыше. И вообще, еще раз: этот мир Бог создал для человека, и только человек в нем царь, слуга и свинья в одном лице. А все остальные либо служат ему, либо пошли вон.

Так что навредить мне – руки коротки. Все эти драки человека с ангелом или чертом – оставим для безграмотного Голливуда и самых тупых, что называют себя интеллигентами и читают высокую прозу. А я все-таки не они, я ж умница, вовремя все усек...

Глава 2

В коридоре как будто море осторожно шумит, я с некоторой опаской распахнул дверь. Толпа рыцарей, некоторые даже в доспехах и при оружии, стоят плотной стеной, как застывший девятый вал. За их спинами челядь, эти как селедки в банке, но и благородные, и простые смотрят на меня с благоговейным ужасом.

– Что-то случилось? – спросил я.

Сэр Растер гаркнул:

– Сэр Ричард, да все видели, как в небе блеснула звезда, а потом понеслась к нашему замку! И, превратившись в величественного ангела, вошла сквозь стену в ваши покои!.. Мы тут же, честно говоря, примчались. Даже ваши голоса слышали через дверь, только слов не разобрали...

Я протянул:

– А-а-а, вот вы чего...

Сэр Растер перекрестился, за ним перекрестились и ос-тальные. Даже сэр Альбрехт осенил себя крестным знаменем.

– Сэр Ричард, – воскликнул он, – но ведь ангел же!

Я пожал плечами:

– Ну и что? Мне, как паладину, с кем только не приходится общаться. Святость, она, знаете ли, накладывает, а то и налагает даже... Это так, трудовые будни паладина. Не обращайтесь внимания. Просто другие ангелы прилетали тайно, чтоб народ не отвлекать от нужных и важных дел. Вас вон даже из-за стола подняло из-за такой ерунды...

Сэр Растер воскликнул с чувством:

– Да! Из-за стола!.. Не подняло, а прямо выдернуло! Но мы вот такие, бегом даже из-за стола с хорошим вином ради такого зрелища... А что? Это к вам стаями, а я ни одного близко не видел! И что он сказал?.. Ох, простите...

– Да ничего особенного, – ответил я буднично. – Что может мне сказать ангел, чего я сам не знаю? Вы меня удивляете, сэр Растер... Что-то я и так знал, о чем-то догадывался. Обычная рутина... Ребята, вы не отвлекайтесь, не отвлекайтесь!.. Сколько той зимы? А в походах не до застолий будет. Идите догуливайте и догулёвывайте. Подумаешь, ангел! Да хоть и архангел...

Расходиться не стали, прежним составом двинулись по направлению к нижнему залу, где слуги уже успели сменить блюда и вина на столе, а не успели – выдрать лодырей...

Только сэр Макс задержался, в чистых голубых глазах безмерное уважение, он прошептал с великим почтением:

– Как много вы знаете... И слова все такие новые...

– Да, – ответил я горько, – есть страны, где это самое главное. Много слов, разных и раскудрявленных, и... ничего за словами.

Он спросил осторожно:

– А вы оттуда сбежали в Армландию?

– В самую точку, Макс. Только раньше я не знал, что сбежал. А теперь знаю.

Он сказал по-юношески радостно:

– Ну вот и хорошо. И для нас.

– Спасибо, – сказал я, – но теперь, когда я понял наконец-то, что сам не хочу возвращаться, легче не стало. Потому что ориентиры неожиданно поменялись. Или хотя бы сместились. Я ведь пер направо на Юг, на Юг, на Юг, как три сестры в Москву, даже по сторонам не смотрел! Может быть, уже задавил кого. А на Юг только потому, что оттуда надеялся с помощью магов в свое королевство...

Он спросил почтительно:

– Сэр Ричард, вы там были королем?

Я отмахнулся:

– Да ерунда это все. В чем-то и повыше короля и даже императора, в чем-то ниже простого кузнеца, дело не в том. Я шел не к той цели, а когда вдруг понял, что пружина не туда... тут-то от меня и ушла карта! Сейчас вот сижу, как Будда какой, мыслю... представляешь?

Он с печалью в глазах покачал головой:

– Не представляю... Вы же рыцарь!

– Я тоже раньше и подумать такое не мог! Что за дурь – мыслить? Когда все промыслено, взвешено и решено благодетелями за нас, нам остается только развлекаться... И вот сейчас думаю, думаю, будто лошадь какая. Ладно, беги, а то и ты таким станешь... Вдруг это заразно?

Он послушно побежал догонять остальных, а я в самом деле думал и думал, уже не как лошадь, а как целый табун. Стремление на Юг, как ни странно, не утихло, но теперь понимаю, что сейчас это вовсе не попытка ушмыгнуть в прежний мир. А еще крепнет желание в этой гребаной Армландии переделать и перестроить, создать совершенный мир коммунизма, где церковь устраивает крестовые походы за веру и разрабатывает в монастырях атомные реакторы, олигархи качают нефть и все такие добрые и гуманные, а счастливый народ поет, танцует и размахивает флагами...

...Снизу доносится мощный рев, под сводами нижнего зала гремит боевая походная. Чувствуется энтузиазм, все видели ангела, теперь все сметем: с нами Бог, кто против нас?

Если кто и сомневался в моих возможностях рулить в Армландии, завоевывать и перекраивать, «чтоб всем было хорошо», то теперь уверовали, ликуют и умиляются, а за мной готовы хоть в преисподнюю. Я слушал, улыбался, кивал, хорошо знаю насчет энтузиазма. Пока им горим, готовы хоть Царство Небесное для всех людей на свете строить, то есть коммунизм, но энтузиазм постепенно испаряется, нельзя вечно им жить, даже долго удастся продержаться далеко не всем...

Но с охваченной энтузиазмом толпой спорить бесполезно. Самое толковое – это соглашаться и медленно и неторопливо поворачивать эту толпу на другую дорожку, уверяя, что все так же прет прямо и бесстрашно к светлому будущему.

Радостные вопли перехватили меня на середине лестницы. Рыцари дружно встали с наполненными кубками в руках, сэр Растер мощно прокричал здравицу в честь сюзерена, к которому ангелы прилетают, как мухи к цветам.

Я посмотрел на него с подозрением, но Растер и сам не понял, что сумничал не совсем то, да никто и не вслушивается в слова, интонация и могучий властный голос важнее. Все орали, протягивая в мою сторону кубки, потом лихо опорожняли, за сюзерена нужно до дна.

Вскинув руки, я милостиво улыбался и спускался, стараясь не оступиться на покрытых красным сукном ступеньках, слишком мелких для сапог моего размера.

– Все сделаем, – сказал я в ответ на радостные вопли, – все сделаем...

– Ура! – прокричал сэр Растер.

Я уловил иронический взгляд барона Альбрехта, но назло ему солнечно улыбнулся и сказал:

– Да-да, ура мне.

Мне кричали здравицу и когда я вышел в холл. Там холодно, а под дверь, несмотря на все ухищрения, ветер забивает снег. Три шубы висят на крюках, чтобы сразу можно накинуть на плечи и выскочить во двор.

Я ожидал увидеть метель, доверяя сэру Растеру, но день ясный и солнечный, морозец не чувствуется, двор вот уже несколько дней как вычищен до каменных плит.

Мысль продолжала тянуть ту же нить, словно из старого ленивого паука: проще всего, конечно, собрать нужную мне команду, приготовить все необходимое для постройки замка... или там на Юге нет замков?... и отправить все это на корабле. А самому прыгнуть через туннель.

Не сразу, а прикинуть, что плыть будут примерно с месяц, вот и успеть туда за сутки. Но этот великолепный и рассчитанный на мои уникальные возможности план разбивается о самую простую вещь: я не знаю, в каком месте южного материка находится нуль-туннельный выход.

Наверное, придется все-таки сперва туда самому, но на этот раз добраться до обитаемых земель. По возможности приобрести карту, чтобы провести линию от места высадки корабля до той странной выжженной пустоши.

Через холл прошмыгнул человечек в шубе, я остановил окриком:

– Миртус! Что-то редко вижу тебя. У тебя как с работой?

Мой дворовый маг отвесил торопливый поклон.

– Ваша светлость, работы продвигаются...

– ...над созданием философского камня, – подхватил я, – который сделает меня богатым, вечно юным и даже исполненным необыкновенной мужской силы!.. Миртус, оставь эту хрень. Ты столько раз уже говорил ее предыдущим властелинам, что теперь вроде отченаша. Меня это не интересует, я тебе уже говорил, а ты все никак не согласишься. А интересует меня, как я тоже говорил, даже не магия!

Он смотрел настороженно, замер в согбенном положении, готовый к немедленному поклону, как истинный интеллигент.

– Будешь заниматься наукой, – сказал я со вздохом, – меня, собственно, интересуют больше плоды науки, но, увы, их сперва нужно вырастить. Потому сосредоточимся на самых приоритетных. То есть тех, что дадут немедленную прибыль и удвоение вэвэпэ. Ну, вэвэпэ пока оставим, как и фундаментальные исследования, а прикладными займемся.

Он суетливо поклонился.

– Что угодно будет приказать?

– Сам еще не знаю, – признался я, – с чего начинать. Во-первых, твоя лаборатория маловата. Ерунда это, а не лаборатория. Пришло время не кустарей-одиночек, а коллективного творчества! Скажем, научно-исследовательского... гм... коллектива. Я вот сейчас хотел было сказать, что подберу помещение побольше, но сам же и засомневался. Не фиг приспособляться под природу, надо нам самим ее нагибать и приспособлять под себя и свои неотъемлемые нужды. То есть есть у меня смутная задумка построить большой замок! А там, естественно, хорошо бы не подвальчик для твоей лаборатории, а настоящий... да, что-то помасштабнее. Правда, тебя это не касается, ты же высоколбый... Честно говоря, мне казалось, что мне есть что тебе сказать, а выяснилось, что пока нечего. Тяжело быть феодалом! Главное пока запомни: никакого философского камня! Никакого эликсира бессмертия! Только основы механики, математики, геометрии... и всего, что на их основе можно смастерить нужного для хозяйства. Ага, вот еще! Я уже пригласил перебраться ко мне кое-каких магов, которых знаю лично я, так что тебе придется работать в коллективе. Конечно, если ты мизантроп какой, то трудись в одиночку...

Он сказал торопливо:

– Нет-нет, вдвоем работать быстрее и легче!

– Приедет больше, – сказал я без особой убежденности. – Так что создадим собственную научную школу. Я тебе тоже вроде бы говорил, чтобы зазывал знакомых магов? Скажи, будут созданы хорошие условия для работы, гранды и бонусы обещаны. Правда, сам отсею тех, кто мозги пудрит обещаниями насчет философского камня. Но только деликатно, не хочу ссориться с научной общественностью.

Его глаза блеснули, но тут же опустил веки, чтобы я не уловил, что он там думает на самом деле.

– И вот еще, – сказал я, вспомнив кое-что из школьной программы для младшей школы, – для тебя есть особое задание. Серьезное! Нужно создать некий механизм... нет, даже машину!

Да, машину. Называется паровым двигателем. Сейчас я тебе быстро набросаю чертеж... Иди за мной.

Он покорно тащился следом через зал, где пирует рыцарство, по лестнице и длинному коридору. От его фигуры веяло такой безнадегой, что едва не отправил обратно.

Но в моих покоях он следил за моими движениями с непроницаемым лицом, ни словом, ни взглядом не выдал отношения к тому, что может начертить сеньор, искусно владеющий копьем и мечом. Я тоже помалкивал, пока быстро не набросал схему. Миртус добросовестно тарачил глаза, я водил пальцем по рисунку.

– Видишь, котел?... В него наливается вода, обыкновенная вода. Не святая и не чародейская. Ее кипятим, пар выходит по этой трубке и толкает вот эту пластину, а она поворачивает вот этот вал...

Он спросил с поклоном:

– А почему пар будет толкать ту пластину?

Я спросил в свою очередь:

– Ты когда-нибудь бывал на кухне?

– Бывал, ваша светлость.

– Неужели не видел, как подпрыгивают крышки кастрюль и даже котлов, когда закипает похлебка?

Он ответил медленно:

– Да, но...

– Что? – переспросил я. – Ага, врубился?... Если тяжелую чугунную крышку котла подбрасывает, то это сила? Надо только котел покрепче, а то разор-р-р-рвет. Пар – он такой, свободная натура, ему все равно куда, лишь бы на свободу. А мы такие, дадим, но сперва пусть покрутит эти лопасти... Словом, суть ты понял. Понял? Ну, а сработает или нет, увидим, когда все будет готово.

Он взглядом попросил разрешения взять чертеж, хотя, думаю, и так все запомнил. Просто нужна страховка, чтобы когда ничего не получится, указать на чертеж: вот, все сделано, как вы мудро изволили велеть...

– Миртус, – сказал я вдогонку, когда он был уже у двери, – я мог бы прикинуться эдаким гением, чтобы ты меня совсем зауважал... по-настоящему, а не так, как сейчас, но скажу правду: не я придумал эту штуку. Это давно пашет в моем прошлом королевстве! Так что берись, не думая, что я дурак. Я дурак в другом, а в этом не совсем уж круглый... Все получится.

Он впервые за время разговора улыбнулся.

– Спасибо, ваша светлость. Начну прямо сейчас.

Глава 3

Слуга внес на широком подносе золотые кубки, украшенные драгоценными камнями, молча поставил на стол глиняную бутылку с множеством выдавленных печатей. Ему явно хотелось остаться обслуживать сеньоров и заодно послушать их речи, но я отослал его жестом, сам взялся наливать себе и барону.

Сэр Альбрехт пригубил вино, вскинул брови.

– Прекрасно! Тонкий аромат, дивный вкус...

– Знаете, барон, – сказал я с досадой, – вы бы хоть раз сказали правду! А то все у вас прекрасное, дивное, замечательное, редкое, отменное... Я уж и не знаю, когда в самом деле хорошо, а когда брешете, как самый что ни есть шелудивый пес в крестьянском дворе.

Он слегка приподнял бровь, взгляд стал ироническим.

– Дорогой сэр Ричард, я же воспитанный человек благородного сословия! Ну что мне, трудно сказать хозяину приятное? Все равно как любой женщине можно говорить, как молодо выглядит. И как сегодня особенно свежа!.. Все довольны, всем нравится, а значит – я в их глазах милый и замечательный человек!.. Но, вспомните, я вам никогда не комплиментю, когда касается серьезных дел. И сейчас вот напомним неприятное...

– Ну-ну!

Он сказал холодно:

– Вам предложили гроссграфство, однако власть над Армландией должны устанавливать сами. Из той части лордов, что признают вас гроссграфом, некоторые могут выделить в помощь войско, хоть и немного, остальные же останутся с интересом следить, как попытаетесь нагнуть остальных...

– А кто из лордов отказался признать мое гроссграфство?

Он пожал плечами:

– Сразу не скажешь.

– Почему?

– Часть не признает именно вас, а другие – никого. Им выгодно быть крохотными королями в своих владениях.

Я сказал настороженно:

– Но это нехорошо. Я посмотрел на самоуправства маркиза де Сада, Синей Бороды и его жены Салтычихи... так что не надо про свободы! Лучше уж абсолютизм, чем такие свободы олигархов. Давайте перейдем к тому столу, там пошире. Поглядим на карту.

Он пропустил мимо ушей упоминания о непонятных личностях, вино все же допил, значит, не совсем дерьмовое, а может, это не он осушил кубок, а хорошее воспитание это сделало. Пойми воспитанного человека, эти всегда брешут, из-за чего всегда уютно и приятно находиться в их обществе.

Я раскатал рулон с картой, края прижали кинжалом, чернильницей и тяжелыми золотыми кубками.

– Вот смотрите, – произнес он трезвым голосом, – здесь ваши сторонники. К счастью, их владения граничат одно с другим, они выступают как единое целое. Этот вот край – против вас. А эти лорды, смотрите, просто разбойники. Воспользовались удаленностью от короля Барбароссы, слабостью центральной власти...

Я навис над картой, изучая диспозицию. Среди гор, если присмотреться, можно рассмотреть красивый гордый замок.

– Здесь кто?

– Очень точно, – заметил барон одобрительно. – Поздравляю, вы сразу отыскивали самое важное звено в обороне противника. Хотя, конечно, противник – лорды, когда всяк сам за себя, но это замок самого сэра Белоголового.

– Самого, – пробормотал я. – А чем он славен?

– Прежде всего, – ответил барон, – твердыня несокрушима. А еще она, как видите, на вершине горы. Она так и называется – Орлиная. Графа Белоголового одолеть можно только на равнине. Да и то если будет только со своим личным войском.

– Вассалов много?

Он вздохнул.

– И вассалов, а еще больше – родни. Все, как один, отважные рыцари. Сердца кипят доблестью, души жаждут подвигов. Сэр Ричард, начинать нужно не с Орлиной горы и не с Орлиного замка.

– А как?

– Сперва покорить, – сказал он наставительно, – тех, кого проще. Если под вашей властью окажется больше половины Армландии, еще часть можно склонить на свою сторону с помощью переговоров. А с оставшимися то ли воевать, то ли с помощью взаимных уступок...

Я внимательно всматривался в карту. Голова начала кружиться, я перешел на телескопическое зрение и теперь старался не шевелить головой и даже не двигать глазами, а то изображение слишком резко прыгает из стороны в сторону.

– Три ряда стен, – напомнил барон. – Представляете? Это три крепости, вложенные одна в другую. Двадцать исполинских башен из таких глыб, которые не пошатнуть никакими ударами таранов. Только в башнях может разместиться огромное войско, а что говорить про саму крепость?.. Известно, что когда семьдесят лет тому здесь проходил император Гард Беспощадный, он даже не попытался остановить свое огромное войско, чтобы захватить крепость. Он сразу увидел, что ее не взять, а терять время и репутацию искусного воителя не хотел. Сейчас там лордом, как я уже сказал, сэр Белоголовый, воин умелый, решительный и донельзя отважный. За ним идут в бой охотно, потому что первым бросается в бой, а выходит из него последним.

– Это хорошо, – сказал я задумчиво.

Он взглянул на меня быстро.

– Даже и не думайте! Он не дурак. Увидев со стен большое войско, просто запрет ворота и не высунет носа.

– А осада?

– Говорят, у него несметные запасы. Может спокойно пережить осаду хоть двадцать лет.

– Это хорошо, – повторил я.

– Чем же хорошо?

– Что он так думает. И что другие так думают. И что даже вы так думаете! Уверенность порождает беспечность. Лишь бы не применили никаких магических штучек...

Он спросил настороженно:

– У вас есть какие-то подозрения?

Я покачал головой:

– Нет. Когда я захватил свой первый замок, я был один. А замком правил могучий колдун. Остальные даже не успели вмешаться. Второй и третий замок принадлежали грубым и диким воинам, что сами недавно захватили те крепости и не успели еще укрепиться. Но здесь, как я понимаю, замки родовитой знати.

– Верно. И что из этого?

Я вздохнул.

– За что еще уважаю церковь, так за узду, которую хочет набросить на человечество. Чтобы все – в пределах правил. Хоть война, хоть семейная жизнь. Даже привычки, с какой

ноги слезать с постели, а с какой заходить в туалет. Потому и магию уничтожает, что от магии столько неожиданностей... Я вот тоже не хотел бы, чтобы по нашему войску пальнули из магических орудий. Или чтоб его атаковали невесть откуда взявшиеся драконы! Или мертвецы вылезли из могил.

Он подумал, кивнул.

– Вы правы, сэра Ричард, – сказал он неохотно, – у некоторых есть всякие штуки. Разные. Все помалкивают, все-таки церковь осуждает, да и не по-рыцарски таким пользоваться... Но когда припрет, кто-то может и ухватиться за последнюю возможность спасти шкуру и защитить замок!

– То-то и оно, – сказал я хмуро. – Одно дело, когда только у тебя, другое – когда и у других. Ладно, будем работать и над этим.

На другой день Миртус долго сверялся с картами и справочниками, рискуя тем, что сочтут неумехой, другие маги отвечают быстро и бодро, наконец сообщил осторожно, что трое суток будет ясная погода, а потом придет большая снежная буря. Каждый год налетает день в день, так что наверняка все повторится...

Сэр Альбрехт спросил скептически:

– А может и не повториться?

– Может, – ответил Миртус, он взглянул на меня исподлобья, – но вероятность мала.

– А точно сказать не можешь? – спросил Альбрехт настойчиво.

Миртус вздохнул и развел руками:

– Думаю, никто не может. Даже великие маги не могут поменять лето и зиму.

Я прервал:

– Хорошо, Миртус. Можешь идти... пока. Но скоро понадобится. Я планирую поход, ты пойдешь с нами.

Он охнул.

– Ваша светлость... зимой?

– Да что вы все про зиму, – ответил я с досадой. – Другие ведь зимой тоже спят? То-то. Ладно, иди.

После его ухода Альбрехт произнес задумчиво:

– Сутки на сборы, а еще двое на то, чтобы добраться до Орлиной горы. А там нас буря благополучно погребет под снежным саваном. Все войско. Косточки отыщутся только весной.

– Всегда слушаю вас с удовольствием, – сказал я. – Вы такой оптимист, барон, такой оптимист!

Замок гудел от подвалов до крыши, никто никогда не воет зимой, однако сеньор куда-то собрался, немыслимо, все же, к моему облегчению, рыцари оживились и быстро собрались в нижнем зале, уже в доспехах и при оружии. Я спустился с лестницы нарочито замедленно, все-таки заставляю себя хотя бы внешне выглядеть крупным феодалом, отечески улыбнулся и вскинул руки в приветствии.

– Счастлив видеть вас... в полном боевом! Надеюсь, все это пригодится.

Сэр Растер спросил торопливо:

– В поход?

Альбрехт сказал негромко:

– Сэр Растер, хоть иногда думайте, что спрашиваете.

Растер ответил обидчиво:

– Если сначала думать, а потом говорить, то другой успеет вставить свой анекдот раньше!

Я ответил Растеру и всем:

– Да, предстоит небольшая прогулка. По непроверенным агентурным, но заслуживающим доверия данным, нам придется столкнуться со злобными и ужасными орками!.. Так что

будьте готовы. Кто чувствует себя плохо после вчерашнего перепоя, может остаться. Кому-то нужно охранять замок в наше отсутствие.

Выступили прямо с полудня; застоявшиеся кони достаточно бодро пошли по накатанной крестьянами дороге, солнце светит яркое, ясное, небо синее. В арьергарде на спокойном мерине едет Миртус, нахохленный и недоумевающий, с ним мешок всяких колдовских снадобий. Сэр Растер то и дело останавливается, пропуская мимо себя рыцарей и простых ратников. Он назначен главой основного отряда, горд настолько, что сам ржет, как его конь, придирчиво проверяет боевую готовность всех, даже рыцарей Макса, которым я отвел вспомогательную роль.

На десятой миле меня догнал Макс, вид смущенный, заговорил, понизив голос:

– Сэр Ричард, вы не сбились с пути?

– Вроде бы нет, – ответил я, – а что?

– В Орочий лес нужно взять левее, – напомнил он тихо.

– Ты прав, Макс, – сказал я поощряющее.

Он посмотрел на меня с надеждой.

– Мы... обходим какое-то препятствие?

Я покачал головой.

– Макс, ты первый заметил отклонение от маршрута, тебе и скажу первому... Мы не в Орочий лес идем! Мы вообще идем не в лес. Что нам там делать, когда грянет снежная буря?.. Но спасибо за доверие, что пошел. На самом деле цель – Орлиный замок.

Он охнул, округлил глаза.

– Сэр Ричард!

– Знаю, – ответил я, – но там нас не ждут. Даже летом никто не пытается взять Орлиный. Зимой же вообще смешно... А уж в снежную бурю...

Он захлопнул рот, подумал, спросил тихо:

– Атака будет во время бури? Когда нас не увидят?

– Примерно так, – ответил я. – Но только примерно. Спасибо за доверие, Макс!

Далеко впереди показался бредущий через целинный снег огромный белошкурый зверь, почти неотличимый от снега, размером побольше полярного медведя, с коротким хвостом и странно-человечьей мордой, даже лицом, хоть и звериным. Он шел легко, взрывая снег, позади остается широкая и утоптанная до самой промерзлой земли колея.

Я ощутил, что этот зверь даже тяжелее и плотнее, чем выглядит: из снега только голова и спина, а движется так, словно идет через легкий туман. Рыцари оживленно переговаривались, кто-то даже взял копьё на изготовку, выказывая рыцарскую доблесть и отвагу, но атаковать не спешили.

К нам подъехал барон Альбрехт, Макс вежливо попрощался и попросил позволения отбыть к своим рыцарям. Я кивнул, Макс пустил коня рысью.

Альбрехт задумчиво посмотрел ему вслед.

– Что-то он меня не больно любит. А я ведь его ничем не обидел...

– Он чистый рыцарь, – объяснил я.

– А я?

– А вы не чистый, – ответил я злорадно. – Кстати, что там за зверюка? В моем королевстве такие не водятся.

– Здесь тоже редкость, – ответил барон сумрачно. – Никто не знает, что за зверь. Никто никогда не видел детенышей.

– На них охотились?

Он хмыкнул.

– С нашими героями как же без этого? Сперва, правда, пытались еще мужики, мех вон какой шикарный... Да только никому не удавалось. Этот зверь, его назвали лешака, что-то вроде быка: на людей не нападает, даже не сразу начинает отбиваться.

– А если начинает?

Он отмахнулся.

– Для него завалить рыцаря с конем вместе – пустяк. Но никогда не терзает жертву. Так, сломает шею или раздавит грудь, потом уходит. В конце концов на них перестали обращать внимание. Ходит и ходит. Нам не мешает, мы – ему.

– Но самолюбие задевает, – отметил я, провожая взглядом лешаку. – Ишь, толстожопый... Цари мы или не цари на планете, которую Господь подарил нам?

– Права на царство надо еще доказывать, – напомнил барон. Глаза его насмешливо блеснули. – Как и на гроссграфство.

За сутки прошли половину пути, даже чуть больше, а к наступлению ночи показался высокий частокол небольшого городка, что уже выплескивается отдельными домами и даже улицами за пределы. Я напомнил рыцарям, что никаких бесчинств, мы не на чужой территории, не только грабить, даже насиловать нельзя, это будет прямым оскорблением своего сюзерена.

Впрочем, ночью в городе все равно почти никто не спал: горожане с тревогой прислушивались к веселью благородных, а рыцари разносили таверны, таскали в сараи на сеновалы девок, сэр Альбрехт напомнил строго, что если кто не расплатится, того отчислят из похода, и когда мы утром покидали город, то бургомистр раскланивался и вполне искренне приглашал приезжать чаще.

Солнце с утра встало ярко-красное, я бы сказал, зловеще-красное, а кто-то из рыцарей пробормотал старую примету: если солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего, если красно поутру – моряку не по нутру...

Дорога шла между холмами, пару раз миновали настоящие горы, одна все же покатая, уже разрушающаяся, а другой будто всего несколько миллионов лет, что значит – молоденькая, свеженькая, только что родилась, с блестящей от гигантского разлома поверхностью.

Мы ехали вдоль этой отвесной стены, мимо меня проплывает заснеженная поверхность, кое-где с уступов уже нависают сосульки, я смотрел по большей части вперед, как вдруг будто электрический заряд пронзил тело. С уступа смотрит живыми любопытными глазами ярко-зеленый зверь с приподнятыми для взлета крыльями. Тело покрыто крупной изумрудной чешуей, пасть распахнута, как у собаки, которой жарко, блестят острые клыки, тоже зеленые, все тело налито взрывной силой и жадой действия.

Лишь в следующую секунду я сообразил, что зверь отлит... или не отлит, а сделан как-то иначе из непонятного мне металла. И сразу пришла оторопь и горестное изумление: ну кому, кому понадобилось это дивное произведение искусства здесь, среди мертвых скал?

Рыцари, проходя мимо, крестились, шептали молитвы, плевали через плечо, хватались за амулеты. Барон Альбрехт, перехватив мой взгляд, заметил ровным голосом:

– Да, такое в наших краях случается.

– И часто?

– Кому как, – ответил он. – Народ привык не обращать внимания. Каждый все еще озабочен, как выжить!.. И рыцари, и даже крупные владетели. А это – остатки старого мира. Крестьяне у нас здоровый люд. Сперва убеждаются: кусается или нет, вредит или нет, потом думают, как приспособить в коровниках и загонах для свиней, а если и это не удастся, сразу теряют интерес. И проходят мимо, не замечая. Ну, как мимо трещин и выступов...

– Да, – согласился я, – сперва нужно накормить народ. И одеть. И обусть. А черед духовной пищи придет потом.

Он покосился на меня с непониманием.

– Духовной? Священники духовную ставят впереди. Никто не возьмет ложку, не прочитав молитвы.

– Я о другом, – объяснил я. – Когда, изнемогая от жажды, ползешь по раскаленной пустыне и думаешь только о глотке воды, весь мир сужается до чашки с водой! Но если доберешься до родника, напьешься от пуза, тогда только и замечаешь: батюшки, да какой же мир, оказывается, огромный! И сколько в нем чудесного!

Барон подумал, кивнул.

– Да только напиться трудно, сэра Ричард. Одному глотка хватит, а другой уже как корова раздулся, а все пьет и пьет! И никогда мира не увидит.

Глава 4

Когда Орлиная гора красиво и гордо замаячила на фоне синего неба с наплзающими с востока серыми облаками, барон Альбрехт сказал предостерегающе:

– Снежная буря в самом деле будет нешуточная!

– Зато впереди приз! – сказал я.

– А если застанет по дороге?

– И должно застать, – ответил я. – При хорошей погоде, как вы сами говорили, нас из того орлиного гнезда заметят Бог знает с какого расстояния.

Он нахмурился, покрутил головой.

– Не знаю, не знаю. Зимой не воюют.

– У нас не война, – ответил я терпеливо. – А короткий рейд по захвату чужого замка. Только и всего. Мужайтесь, барон!

Небо постепенно заволакивало серыми облаками. Те сменились тучами, а тучи неспешно превращаются в огромный угольно-черный массив, широкий и тяжелый, как Уральские горы. Поднялся ветер, начал поднимать с земли снег. Сперва дул в спину, как бы обнадеживая, потом заходил то справа, то слева, а когда отделились от города достаточно далеко и он убедился, что не вернемся, развернулся и злорадно набросился спереди.

Резко похолодало, ударил мороз. При каждом вдохе в горло забивало снег, а когда я пытался дышать только носом, не хватало кислорода. Пасть жгло, как кипятком, лицо стягивало холодом. Я на ходу прикрывал лицо ладонями, но ветер ухитрялся вдвухать колючий снег даже под веки.

В довершение всего с неба начал сыпать снег, мелкий и противный, даже не снег, а ледяная крупа. Ветер и его подхватывал и с размаха швырял в лицо. Можно, конечно, опустить забрало, но так набивается в щель, а у подбородка начинает то таять, то превращаться в льдину.

Затем пришла настоящая вьюга, я видел только силуэты двух едущих впереди всадников, дальше все скрывалось в белой пугающей тьме. Снег носится вихрями, тугими волнами, ударяет с такой силой, что кони шатаются и сбиваются с шага.

Сквозь белую пелену донесся хриплый голос Растера, больше похожий на лай большого простуженного пса:

– Держаться вместе!.. Не отставать!

Потом я увидел Макса, он суетливо растирал лицо ладонями, склонившись к самой конской шее. Ветер снова сменил направление, я начал тревожиться, что в такой метели просто заблудимся. Небо все темнело, видимость ухудшалась.

Сэр Растер во главе ударной группы догнал меня, прорычал сквозь рев ветра:

– Уже близко!

– Ночь впереди, – напомнил я.

– Ну и что? – удивился он. – Мимо горы не пройдем. Мы, можно сказать, о нее лбом ударимся... га-га-га!

Еще и ржет, мелькнуло у меня в голове. Нет, все-таки я неженка.

Захода солнца никто не видел, даже затянутого тучами неба не видно: пурга со всех сторон, но быстро стемнело, буря начала стихать, зато мороз усиливался. Ветер, сжалившись, дул в спину, словно подгоняя к замку, мол, самому хочется посмотреть, чем все кончится. Я покачивался в седле, Зайчику хоть бы хны, а у меня все тело окоченело, руки отказываются гнуться.

Усталые кони едва передвигали ноги. Мы рассчитывали достичь замка к вечеру, а сейчас уже ночь, а мы не добрались даже к подножию Орлиной горы. Ветер снова зло и пугающе задул прямо в лицо, но в небе наместились просветы. В слабом лунном луче передо мной бешено неслись мелкие иголки-снежинки. Уши уже не мерзнут, я решил, что вместо них ледышки.

И еще: наступила тишина, я снова услышал хруст снега под конскими копытами, звяканье сбруи, деловитый звон доспехов. Но ветер не утих, просто перестал набрасываться то справа, то слева, а дует свирепо и упорно прямо в лицо.

Снег сыпется, как крупа из прорвавшегося гигантского мешка. Мороз пробирает до костей, я уже проклинал себя за глупейшую затею, когда ветер стих так резко, словно отрезало. И одновременно я услышал его злобный и разочарованный вой, он был совсем рядом, уже не в состоянии дотянуться. Я не верил чуду, и его не произошло, донесся голос Растера:

– Всем спешиться!..

Я наконец понял: нечто огромное заслоняет нас от снежного урагана, это значит, достигли Орлиной горы.

– Охрана! – прокричал Растер. – Позаботиться о лошадях!.. Головной отряд – ко мне! Сэр Ричард, вы готовы?

– Совсем готов, – прокаркал я простуженным горлом. – Но пару слов обращения к народу... Никаких длинных речей, просто запомните: это уже наш замок!.. Наш. Мы не кочевники, что налетели, пограбили и убежали. А раз наш, то рубить там все и убивать всех – нельзя. Кто нам жрать подаст, если перебьем челядь?.. Убивать только тех, кто с оружием. Если оружие бросил – берете в плен.

Сэр Растер пробасил недовольно:

– Да слышали все это, сэр Ричард...

– Я хочу, чтоб и запомнили!

– Да запомнили, – повторил он с тоской. – Что это вы одно и то же...

– Потому что не запоминаете, – огрызнулся я. – Как горохом о стенку!.. Это мой замок, если уж хотите правду. А кто начнет устраивать поджоги, знайте – замыслил бунт и неповиновение сеньору!

В ответ прежнее молчание, но я чувствовал, что это проняло больше, чем абстрактные призывы к гуманизму.

– Все, – закончил я, – иду, иду...

Коней оставили больше потому, что какая-то коняка да ржанет, а это конец операции. Даже я слез с Зайчика, хотя в нем уверен, однако отец я нации или не отец?

– Мы за вами, – заверил Растер.

– Близо не подходите, – предупредил я.

– Но из виду не упустим, – сказал он сурово. – И не приказывайте такое.

Теперь я во главе отряда, на далеком острие. Ветер несколько раз менял направление, я закрывал глаза и вцеплялся в камень. Тропка совсем узкая, и хотя по ней в хорошую погоду проходят даже телеги, но их колеса стучат совсем рядом с бездной...

Проклятый ветер все усиливался. Дорога уже дважды обвилась вокруг горы серпантинном, я одурел и мечтал остановиться и просто умереть вот так на обледенелых камнях, но сзади точно так же пробираются, а то и ползут рыцари и простые воины. Все верят, что их лорд – ого-го, а не охо-хо, и я ломился через встречный и боковой ветер, что то прижимал к стене, то пытался спихнуть в бездну.

Наконец в разрыве белой пелены увидел смутно белеющую, словно облитую молоком, высокую стену. Местный лорд с жиру бесился, выстроив такую высокую: при умелой обороне здесь можно держаться против любого войска вообще без стен.

Стиснув челюсти, я вслушивался изо всех сил, но только завывание бури, шелканье крупной ледяной крупы по обледенелому камню, на котором лежу. Снег уже не снег, а злая ледяная крупа, ветер сечет ею щеки и подбородок, вдвухает не только в пасть, я ее старался не открывать, но и в ноздри. Войдя в личину исчезника, я снова пополз, прижимаясь к земле. Крепостная стена иногда пропадала полностью, только крутящаяся белая метель перед глазами, а потом я почти ударился о нее.

Пурга закрывает видимость, какой дурак будет всматриваться в белую кружащуюся мглу, я чувствовал себя почти голым. Все так же в личине исчезника поднялся и побежал к стене, на ходу снимая с плеча крюк с длинной веревкой.

Сэр Растер и его группа затаились за камнями. Снег их постоянно присыпает так обильно, что я забеспокоился, как бы не похоронил вовсе. Крючок на веревке все не желал взлетать к вершине стены, застывшие пальцы слушаются плохо. Даже я за воем и свистом не слышал металлического звона и скрежета. Наконец, разозлившись, я метнул со всей силы. Крюк так и остался там наверху, а когда я подергал, веревка натянулась.

– Ну, – сказал я, – теперь надо вспомнить уроки ползания по канату...

Хрипя и задыхаясь, я карабкался, опираясь ногами на веревочные узлы, перед глазами все ползут и ползут вниз серые глыбы, размножаются они там наверху, что ли. Наконец последний ряд закончился, я увидел поверх стены массивный замок в старинно-добротном стиле. Сдерживая стон, я перевалился на промерзший камень, ветер бросает на него снег и тут же сам сдувает, а я полежал, восстанавливая дыхание и, не восстановив, пошел, как грозный лев, на четвереньках, к башенке привратной стражи.

Дверь закрыта, стража внутри греется у переносной жаровни, какой дурак сунет нос на улицу... Я поколебался, но решил рискнуть, не люблю обнажать меч без надобности, я не мальчишка, а уже гроссграф или хотя бы коннетабль, а это тоже не хвост собачий, это почти государственный.

Обледенелые каменные ступени привели вниз. Я быстро осмотрел систему запоров, предусмотрена трехуровневая система защиты, но где сто мудрецов навяжут узлов, там один Александр Македонский с ходу решит проблему. Я тоже ученый малый, милая: быстро разрубил все гордиевы узлы: сперва с грохотом опустил подъемный мост, затем поднялись две металлические решетки, а засов из створок ворот я вытащил уже сам.

Ждать пришлось невыносимо долго, я страшился, что сухой стук падающего подъемного моста услышат даже в замке, но метель ревет и визжит на все голоса так яростно, что никто не высунул носа даже из караульной будки.

Ворота подались, я поспешно сбросил личину исчезника. Ворвались, засыпанные снегом, согбенные фигуры. Сэр Растер, блестя обнаженным мечом, в недоумении огляделся по сторонам.

– Вы что же... стражу порубили прямо в караулках?

Сказать, что не тронул, – признаться в гнилом интеллигентском человеколюбии, и я ответил гордо и с нужной долей напыщенности:

– Берите выше, сэр Растер!.. Я прошел так, что никто и не заметил!

– А-а-а, – сказал он озадаченно, умом понимая, что если я так говорю, то это класс выше, но не принимая еще отважным сердцем благородного рыцаря. – Тогда пусть ими займется сэр Альбрехт... А кто говорил про три ряда крепостных стен? Где они?.. Я с вами в донжон.

Говорит он твердо, что и понятно: самый свирепый и решительный должен быть в самом опасном месте. Из снежной пурги появился Митчелл, тоже блестя обнаженным мечом, очень обескураженный.

– И что? – спросил он почти глупо. – Вот так просто?

– Не спеши, – предостерег я. – Все подтянулись?

– Почти все, – доложил он. – Только Миртуса...

– Что?

– Да двое несут, несут.

– Пусть не спешат, – рассудил я. – Итак, головной отряд – в донжон.

Из белого крутящегося кошмара вынырнула закапюшенная фигура, запыхавшийся сэр Альбрехт доложил:

– Казармы, как вы и велели, сэр Ричард, блокированы!.. Я с вами.

– В казармах много народу, – предостерег я.

– Там я оставил стеречь своих людей, – возразил он. – Две двери подперты, окна закрыты. Никто не выйдет!

– Хорошо. Начали.

Почти всей группой мы пробежали через воющий снежный ад, за несколько шагов до ворот донжона я сорвал с пояса молот и швырнул в дверь. За воем и свистом даже мы не услышали треска и грохота. Осколки двери исчезли, подхваченные бурей, а белый от ярости ветер злорадно вломился в пролом раньше рыцарей.

Из метели вынырнули двое, волоча Миртуса. Он прохрипел:

– Погодите... Вдруг там магическая защита...

– Успевай, – посоветовал я и, поспешно повесив молот на место, с обнаженным клинком прыгнул в донжон. Буря вбросила в выбитую дверь такую массу снега, что в холле сразу стало по щиколотку, а когда мы пробежали наискось и распахнули дверь в нижний зал, ветер ухитрился и туда вдуть снежное облако.

Язычки огня редких светильников заколебались и погасли. Мы оказались в кромешной тьме. Я поспешно создал шарик огня, и в его тусклом свете все начали разбегаться: группа по лестнице, остальные врываются во все двери, ведущие из зала в каморки, где не только челядь, но любят ночевать и солдаты охраны. К тому же я велел не убивать челядь, но не запрещал насиловать, это уж было бы совсем дико и не только противоречило бы кодексу войны, но и лишало бы половины прелести всех побед и завоеваний.

Запахавшийся Миртус уже сбросил тяжелый плащ и с двумя амулетами в руках выискивал следы магии, что-то обезоруживал, что-то нейтрализовал, затем взял некий след и метнулся к не приметной двери. Я кивком головы послал за ним двух простых воинов. Те беспрекословно бросились следом, хотя, конечно, всяк мечтает взобраться наверх и пограбить. Я ведь объявил себя хозяином этого замка и подвластных ему земель, но не всякой мелочи, что в кладовках, на столах, стенах, в сундуках.

Наконец под рев врывающейся в распахнутые двери снежной бури раздались крики, лязг оружия. Ураган резко смолк, это двое рыцарей из группы Альдера закрыли двери и остались там с обнаженными мечами, чтобы никто не ускользнул из захваченного здания. Я напомнил себе, что их надо отметить особо, это суперстойкость, когда приходится стоять на месте и видеть, как другие разносят замок, убивают, грабят, насилуют, упиваются торжеством победителей.

По всему замку уже не бой, а резня, я запоздало крикнул барону Альбрехту:

– Надеюсь, у графа Белоголового нет трех или десятка прекрасных дочерей?

Альбрехт оскалил зубы:

– Вас это волнует?

– Еще бы!

Он покачал головой:

– Не понимаю вас. Иногда выглядите таким прожженным циником, а иногда о такой ерунде беспокоитесь! Не волнуйтесь, нет у него дочерей. Вовсе.

– А жена?

Он отмахнулся.

– Жена представилась перед Богом полгода назад, а он все выбирает побогаче...

– Слава Богу, – выдохнул я с великим облегчением. – Ну не люблю вытирать слезы всяким там сироткам!.. Мне бы так, чтобы кто-то порешил их до того, как узнаю, что эту досадную проблему уже решили, пусть и негуманно. В порядке сопутствующих неизбежных потерь среди гражданского населения.

– Больно вы сентиментальный, – буркнул он с неодобрением. – Впрочем, политик не должен этим заниматься лично, вы правы. Это пятнает, если лично. Политик должен дистан-

цироваться, а если где что в его владениях случается – вопреки кодексу, то это вассалы, а то и простолюдины пошалили, вы за всем уследить не можете, но все же выражаете сочувствие и сожаление...

Он говорил несколько рассеянно и осматривался с мечом в руке по всему залу. Мне тоже не очень верилось, что захватили неприступный замок так легко. Барон встретил мой взгляд, на губах мелькнула слабая усмешка.

– Вы были правы, сэр Ричард.

– Слишком легко, – согласился я. – Даже не верится. Задницей чую, что это еще не все...

– А что может быть еще? – спросил он с сомнением. – Впрочем, пойду посмотрю. Сэр Растер иногда увлекается...

Через заснеженный дверной проем вошли Митчелл и трое его людей, Митчелл доложил с ходу:

– Из казармы пытались вырваться.

– И как?

Он кровожадно ухмыльнулся.

– Трех положили сразу. Остальные выходить не решаются.

– Эх, – сказал я с досадой. – Двери же были подперты? Или нет?.. Ладно, пойдем.

Мы вышли в слабый рассвет, восточная часть горизонта быстро светлеет, в небе вспыхнуло красным первое облачко.

Казармой для солдат служит массивное каменное здание, длинное, угрюмое, с узкими окнами-бойницами, зарешеченными толстыми железными прутьями. Двери подперты бревнами, но с той стороны прорубили топорами широкие дыры. На этом наступательный порыв угас: арбалетчики Растера и лучники Митчелла послали в пролом столько стрел, и больше никто не пытался рубить двери.

Снег оглушающее скрипит под сапогами, я подошел к –казарме ближе, но встал так, чтобы не всадили болт из арбалета.

– Эй вы там!.. – прокричал я зычно. – Сейчас с вами говорит гроссграф Армландии, великий и ужасный сэр Ричард!.. Эту свинячью постройку, которую здесь именovali замком, я захватил легко и без потерь. Владелец замка убит...

Один из воинов примчался с головой Белоголового в руках и с разбега забросил в выбитые двери. Слышно было, как там раздаются проклятия и звон металла.

Я крикнул победно:

– Убиты все, кто не бросил меч! Вы тоже будете убиты, если не выйдете без оружия и с поднятыми вверх руками. Мы пленных не берем, понятно?.. С другой стороны, мне нужны люди, которые будут служить мне. Это доступно?.. А вам не лучше ли принести присягу могущественному лорду, который уже доказал свою силу, чем хранить верность дохлому трупу убитого?..

После долгой паузы донесся угрюмый голос:

– А что насчет жалованья?

– Хороший вопрос, – одобрил я. – Жалованье останется прежним. Так что ничего не изменится, кроме хозяина. Но хоть какое-то разнообразие, верно?

Через пару минут из казармы начали выходить с поднятыми руками одетые в хорошие доспехи люди, но без оружия и даже без поясов. Я перевел дыхание, все хорошо, кивнул Альбрехту и Растеру, действуйте, а сам вернулся в донжон.

В холле, в зале и даже на лестнице ни одного убитого. Только на втором этаже перешагнул через пару трупов в ночном белье, да еще на третьем несколько убитых лежат поперек коридора, все полуголые, а один и вовсе голый, но с оружием в руках, так что все правильно: сопротивлялись – получите.

В дальней комнате трясутся две насмерть перепуганные молодые служанки, пышненькие, накрашенные, с глубокими вырезами платьев. Если вспомнить, что граф Белоголовый был вдовцом, то понятно, какую функцию эти выполняли в его покоях.

Обе бухнулись на колени, хотя от женщин этого не требу–ется, а я приказал сурово:

– Отравляйтесь вниз. Соберите челядь, уберите трупы, замойте кровь!

– Да, ваша милость, – пролепетала одна, – мы все сделаем...

– Ваша светлость, – поправил я грозным голосом и пошел с мечом наготове дальше, проверяя комнаты, гардеробные, покои для сна.

Хотя до меня здесь уже прошлись, видны жадные руки, срывавшие золотые безделушки даже со стен, но все же в жадности за добычей что-то могли и недосмотреть, а у меня глаз уже наметан.

Миртус привел двух невзрачных мужчин, оба сразу бухнулись на колени и покорно склонили головы.

– Местные маги, – объявил Миртус. – Кулан и Кеттен. Кулан – автор трактата о лесных зельях, а это его ученик. Их застали врасплох, они ничего не успели сделать...

– А могли бы? – спросил я.

Миртус нехотя кивнул.

– Урон бы нанесли.

– А защитить замок?

Он колебался с ответом.

– Думаю, в одиночку нет, но этого и не надо. Достаточно было поднять тревогу и чуть задержать нас...

Я кивнул:

– Верно. И что ты предлагаешь с ними сделать? Миртус, ты теперь главный!

Оба пленника смотрели на него со страхом и надеждой. Миртус заговорил торопливо:

– Не хочу сказать о них плохо, ваша светлость, но от людей нашего сословия не требуют присяги и верности. И работали они не над укреплением замка, этого от них тоже не требовалось, а добывали философский камень...

– Добывали?

– Искали, – поправил он себя.

Маг, который Кулан, вставил торопливо:

– Мы уже близко подошли!.. Осталось чуть-чуть...

Миртус быстро посмотрел на меня, приказал ему внятно:

– Заткнись.

Я сказал размышляющее:

– Мне их верность не нужна, да и вообще наука должна служить истине, а не человеку. Но времена жестокие, так что, если хотят жить, пусть присягнут в верности и послушании тебе. Отныне ты – господин их жизнью, а также научной деятельности. Меня задолбало повторять всем, что мне нужно, так что сам все и объяснишь. И еще... Миртус, моя казна не бездонная, но ты смелее обращайся за финансированием. Тем более теперь, когда у тебя двое, как понимаю, помощников.

Маги смотрели на Миртуса с отчаянной надеждой. Тот, вместо того чтобы надуться от осознания своей важности, напротив, съежился, будто от неловкости.

– Да-да, – произнес он торопливо, – они будут хорошими помощниками... Можно им встать?

Я кивнул и небрежным движением длани отправил магов прочь.

Глава 5

В нижнем зале загремел нелепый страшный пир. Пылают два больших камина, рыцари развешивают на металлических прутьях промокшую одежду, а украшенные ссадинами и кровоподтеками челядины поспешно таскают на стол все съестное, что отыскалось на кухне, а также, конечно, вино и еще вино.

Дрожащий от ужаса повар с помощниками спешно готовил для захватчиков, Митчелл отыскал музыкантов и заставил их под угрозой немедленного повешенья играть хорошо и весело, а служанки в разорванных платьях и с заплаканными мордочками, поджимали покусанные губки и робко заносили в зал новым хозяевам кувшины и глиняные бутылки с вином.

Я видел, что каждую из них уже не раз изнасиловали, мужчин в замок ворвалось все же побольше, чем здесь женщин, но помалкивал. Сейчас все еще в упоении короткого и яростного боя, ослепительной победы, которой надо насладиться по самой полной. Насколько я помню, захваченные города всегда отдавали на разграбление победителям, разница была только в сроках: иногда на сутки, чаще на неделю, но обычно устанавливали для этого три дня, а потом в силу вступал закон, защищающий горожан. И это касается не только Средневековья, так поступали египтяне, римляне, поляки, украинцы, русские, и только в двадцатом веке это кончилось... как официальное, а грабили только как бы сами с молчаливого попустительства властей. Немцы грабили русские города, русские грабили немецкие, хотя и те и другие являлись как «освободители».

А кто я, чтобы отменять самую высокую и могущественную страсть, рожденную войной, когда любой, врываясь в захваченный город, – полный властелин над честью, имуществом и жизнями побежденных? Как еще лучше продемонстрировать преимущество себя, своего сеньора, своего народа и своей веры, как не изнасиловать женщину на глазах ее умирающего мужа?

Я вошел в зал, все встали и прокричали здравицу. Я видел искренний чистый восторг в ясных глазах рыцарей, теперь они за мной хоть в ад. Сэр Растер полез обниматься, меня тискали, хлопали по плечам, целовали все рыцари, наконец Альбрехт выдрал меня из рук рыцарской общественности, я дал себя оттащить по направлению к лестнице.

– Сэр Ричард, – заговорил он восторженно, – это было великолепно! Я все жду какой-то каверзы, слишком все получилось хорошо, но умом понимаю, что ее не будет. Вы сделали все великолепно!

– Мы сделали вместе, – возразил я.

Рыцари возвращались за накрытый стол, я начал подниматься по лестнице, барон шел рядом, с удивленным видом тряс головой.

– Нет. Все мы понимаем, что замок захвачен благодаря вам. Мы как привыкли?.. Дождаться лета, а затем с развернутыми знаменами ехать захватывать замок. Да еще и предупредив тамошних хозяев, чтобы все по-рыцарски честно!.. Понятно, такой замок, как Орлиный, подобным образом не –захватить. Потому и жили так беспечно. Думаю, даже в хорошую погоду охраняли замок так же паршиво.

Я сказал весело:

– Нет, барон, и не уговаривайте!.. Если надо, снова пройдем через такую жуть, но рисковать не будем.

– Пройдем, – подтвердил он. – У нас совсем нет потерь!.. Да ради такого результата можно хоть неделю ломиться через выюгу...

Я взял его за плечи и развернул обратно.

– Идите пируйте, барон. Вы в какой-то мере являетесь там стабилизирующим фактором.

По коридору бодро прохаживаются двое с короткими копьями в руках, лихо отсалютовали, обдав меня винными парами. Я кивком зазвал их в апартаменты бывшего лорда, втроем растянули карту на самый большой стол. Здоровенные мужики испуганно крестились и шептали молитвы, глядя, как появляются на карте новые реки, болота, леса, города и даже деревни.

– Во славу Господа, – сказал я внушительно. – Кликните в мои покои... отныне и это мои, сэра Растера!

– Во славу, – ответили они и поспешно отбыли за дверь.

Я медленно обошел стол, как планету звезду, постаравшись посмотреть на Армландию и со стороны Турнедо, и Фоссано, и даже Шателлена. Опасен только Гиллеберд. С королем Шателлена Роджером Найтингейлом – прочный и взаимовыгодный союз, да только между нами зловещий Орочий лес...

Союз останется на бумаге, пока не сумею обезопасить дорогу из Армландии в Шателлен и обратно. А для моих далеко идущих планов обезопасить надо. Хотя, конечно, рудники и в Армландии есть, даже немало, но у меня планы не только далеко идущие, но и грандиозные. Металла потребуется много.

Я нависал, растопырившись, над картой, когда ввалился в комнату сэра Растера: огромный, как тролль, громыхающий, распространяя ароматы вина, жареного мяса, крепкого мужского пота и сурового обаяния.

– Сэр Ричард, – сказал он с порога прочувственно, – дайте вас обнять!.. Нам за столом вас так не хватает, ну так не хватает!

– Душой я всегда, – заверил я. – И всем рыцарским сердцем, полным безумной отваги и благородного огня!

Он обнял меня, сказал растроганно:

– Как вы хорошо сказали! Насчет огня и этой... отваги. Я вот все чувствую, как ваш Бобик, а сказать складно могу не больше, чем мой конь. Сэр Ричард, чую в воздухе запах кровавой брани!

Я спросил настороженно:

– Почему? Где? Что случилось?

– Не знаю, – ответил он простодушно. – Но вы изволили послать за мной, а не, скажем, за бароном Альбрехтом...

– А-а-а, – ответил я, – всякий раз дивлюсь вашей проницательности, сэр Растер! Вы, хитрец, работаете под простого такого рубаку, а на самом деле дипломат, мудрец, хитрюга, умелый мыслитель!

Я погрозил ему пальцем, он довольно заулыбался, выпятил грудь и сказал довольно:

– Вообще-то да, вы меня раскусили, сэр Ричард... А в чем понадобилась моя врожденная мудрость?

– В сложном, – ответил я со вздохом. – А еще больше мне нужна ваша приобретенная мудрость, что тоже весьма и весьма... Я почему-то уверен, что вы знаете не только таверны, но и дороги к ним...

– Эт точно, – заверил он. – Какие вас интересуют?

– Меня интересует вот этот лес, – сказал и указал пальцем на карте.

Сэр Растер воскликнул незамедлительно:

– Но это же владения Гиллеберда!

– Знаю, – ответил я. – Вы хорошо разбираетесь в карте. Насколько помню, вы все королевство прошли вдоль и поперек...

Он воскликнул, подкручивая ус:

– Не только, сэр Ричард, не только. Я поскитался всюду, и если где-то слышу, как ребенок зовет папу, на всякий случай оглядываюсь.

– Через этот лес ездили?

Он внимательно всмотрелся в гигантский массив леса, кивнул:

– Да. Пару раз приходилось сокращать путь. Этот лес пользуется недоброй славой. Туда стараются не соваться... Я не побоялся, я ж всегда полон безумной отваги! Да и гнались за мной уже с веревкой наготове. В том лесу еще крепость есть заброшенная... Огромная, но что-то в ней случилось, люди не то вымерли, не то убежали, с тех пор там пусто.

– Точно никого?

– Никого, – заверил он. – Второй раз я там был совсем недавно.

– Тоже от каких-то неблагородных людей?

– Нет, просто так упился, что не соображал, что мне говорят, а поперся напрямик.

– И?..

– И ничего, – ответил он хладнокровно. – Ни души не встретил. Мимо крепости проехал, когда уже чуть протрезвел. В замке темно и тихо, подъемный мост опущен, так я еще на него плюнул. А просто так. Нечего!.. А что? Я такой.

– Лес большой, – сказал я задумчиво. – Даже огромный. Почти вдвое больше, чем наш Орочий... И речка через него течет...

– Сэр Ричард, – сказал он обеспокоенно, – вы что-то задумали?..

– Да есть мыслишка...

Он спросил жадным шепотом:

– Что, лес тот захватим?.. Хотя что я говорю, как можно захватить тот лес?.. Да и зачем он нам...

– Все верно, – сказал я. – Нам он не нужен. Но что лес большой – хорошо.

В Орлином замке обыденная жизнь уже вошла в прежнее русло. Я даже ощутил разочарование, челядь и охрана с равнодушием животных приняли известие о смене владельца. С другой стороны, если все правила те же, то какая разница, как зовут нового лорда?

На другой день я все же пообещал повышение платы, а также снижение налогов. Объяснил тем, что я намного богаче, это чтоб не думали, свиньи поганые, что стараюсь понравиться. Нет, ребята, если что не так, виселица на заднем дворе пустовать не будет...

Сэр Растер и Митчелл с утра налаживают систему наблюдения за подходами к замку и даже к самой горе. Если мы захватили замок неожиданно для хозяев, то пусть не захватят так же нас.

Я сообщил всем, что выеду размять коня, Зайчик в самом деле довольно ржал и потряхивал роскошной гривой. Спустившись с горы, я наклонился к его уху и шепнул:

– Давай к Орочьему лесу... Мы там уже бывали, ты помнишь.

Он ржанул весело, подо мной дернулось вперед, я не слетел только потому, что рыцарское седло не совсем седло, а нечто вроде кресла, что поддерживает и поясницу, это чтоб не вылетать, как перышко, после первого же удара копьем.

В лицо бьет тугой морозный ветер, снежный вихрь крутит хвостом, как огромный ликующий пес, далеко за спиной. Заснеженный лес только начал вырастать вдали, как через пару минут мы нырнули под низкие ветви.

Зайчик умерил бег, деревья набегают и проскакивают мимо уже не так быстро, внезапно фыркнул, уши встали торчком. Корова растопыривает уши по сторонам, когда надо прислушаться, а у коней сразу на макушке. Корова не носится вскачь, ей важнее оттенки звуков на своем лугу, потому уши у нее, как локаторы, среди ближних шумов вылавливают опасные, а коням и волкам важнее слышать дальние...

– Еще не скоро, – объяснил я. – Дорогу помню, до крепости с полмили...

Зайчик снова фыркнул, презрительно, но послушно сделал два коротких прыжка. Между деревьями взметнулся снег, с грозным ревом поднялись массивные фигуры, закутанные в меха. Я быстро оглянулся, со спины шагах в десяти из-под разлапистых веток старой ели тоже встают

крепкие звероватые мужики с огромными топорами в зеленых лапах. Широкие зеленые морды с мощными челюстями выглядят жутко.

Я поспешно вскинул руку.

– Стойте!.. Я – сэр Ричард, гроссграф Армландии, еду в вашу крепость по важному делу.

Зеленомордые, не слушая, придвигались ближе, на рожах злобные ухмылки, в руках топоры с широкими лезвиями. Широколезвийность функциональности не добавляет, но пугает, да и красивше.

– Кстати, – спросил я строго, – а почему тролли, если лес Орочий?

Один из троллей, в железном шлеме грубой работы и в широких ремнях, перепоясывающих грудь крест-накрест, захохотал громко и раскатисто:

– Орки там, где и ты сейчас будешь! Га-га-га!

– Ага, – сказал я понимающе, – передел собственности, сфер влияния, рейдерство... Кто здесь старший?

– А тебе что?

Трое уже зашли ко мне со спины, а тролль в ремнях любовно поигрывал топором, тролли вообще обожают топоры, смотрел на меня оценивающе.

– Нужен, – отрубил я, – для важного разговора! Дело о благополучии... троллей. Не проводишь к вождю, он сорвет с тебя твою дурную башку.

Троль зашел сбоку, в маленьких свинячьих глазках животная хитрость и мгновенный расчет, как ударить, разрубить, рассечь...

– А ты это видел? – спросил он и начал неторопливо поднимать топор, наслаждаясь мгновением.

Я вытащил из ножен меч.

– Умный не бахвалится оружием, как дурак. Но взял в руки – действуй!

Он широко замахнулся, готовый разрубить меня вместе с лошадьёю. Я коротко и сильно ударил. Послышался короткий шелкающий удар, в руке тролля осталась половинка рукояти. Железо рухнуло в снег обухом, выставив острие.

– Ну что? – спросил я, торопливо используя секунду замешательства. – Пропускаете меня в свою столицу? Или лишите своего вождя возможности... э-э... возможностей?

По его морде видел, что с удовольствием лишил бы меня всех возможностей, однако должность начальника отряда накладывает обязательства: он посверкал глазами, порычал и пообещал разорвать меня хоть голыми руками, а потом рыкнул:

– Чак и Гак, идите с ним. Если что – убейте!

– Вот-вот, – одобрил я, – это слова будущего вождя. Коротко и ясно.

Троль рычать перестал, морда потеряла часть свирепости, лезть обожает не только Растер. Двое троллей подошли ко мне с боков, морды лютые, за ними встали еще по двое, так что Чак и Гак не рядовые, а старшие в тройках. Что-то вроде ефрейторов.

– Поехали, ребята, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал властно и солидно. – В нашем лесу всегда есть место подвигу, не так ли?

Троль, который Чак, проворчал:

– Это так... У нас пройдешь пару деревьев, свернешь за третье и...

– Хорошая драка, – сказал я со знанием дела, – всегда прекрасно и возвышенно. Если жить без драки – разве это жизнь? Говорят же, если свадьба без драки – не к добру...

Он покосился на меня с великим недоверием:

– И у вас так говорят?

– Ну да!

– Чудно, – проворчал он. – Я думал, только у нас...

Я гордо подбоченился, захохотал гулко и нагло, словно наша команда победила спартаковцев, а потом мы их болельщикам еще и надрали задницы в мощной и красивой месиловке на выходе из стадиона и на окрестных улицах.

– Размечтались!.. Крутые ребята есть везде!.. Мы, к слову сказать, тоже тролли... Когда выходим праздновать наш день Тролля, из парка Горького как ветром выдувает всяких там эльфов, гномов, геев и даже рыцарей! Вэдэвэ везде пройдет, с любых высот – в любое место, га-га-га!..

Уже все шестеро держались ко мне поближе, слушали сперва недоверчиво, потом жадно и зачарованно. А я, войдя в раж, рассказывал, как мочим всяких там азеров, геев и прочих черножопых, даже король нашей страны из троллей и не скрывает, даже гордится: время от времени выходит на бойцовский ковер и врукопашную доказывает всяким так слабакам эльфам и гномам, что он наш, тролль, никакая эльфячья зараза к нему не прилипла, гномовская экономность и рачительность противна, в любой момент может взять и отобрать все их богатства, га-га-га!

Я оглянулся, удивленный странным молчанием, но оба с раскрытыми ртами на грубых жестоких мордах смотрят на меня, как дети на волшебника, который достает из пустой шляпы сладкие конфеты.

– Круто, да? – спросил я.

Чак спросил совсем не троллим голосом:

– А как это... король из троллей?

Я отмахнулся.

– А мы, тролли, давно решили жить среди людей. Так удобнее. Люди строят хорошие жилища, они грамотные, а нас, троллей, от грамоты в сон клонит, а то и блевать хочется. Нам бы с пивком посидеть, тролльчиху помять... а лучше – эльфийку заловить. Они такие нежные, пугливые, га-га-га!.. Люди и пиво варят лучше, чем мы. Надо им только объяснить, что нам надо, а то люди бывают таки-и-ими тупыми!

Они охотно заржали, а Чак пробурчал, глядя на меня с некоторым сомнением:

– А все-таки вы...

– Сэр Ричард, – подсказал я гордо. – Да, я хоть и тролль, но уже гроссграф! Это значит – Большой Граф.

– Сэр Ричард, – договорил Чак угрюмо, – вы совсем не похожи на нас...

– Разве что ростом, – уточнил Гак.

– И рассказами, – добавил Чак.

Я захохотал громче, подпустив в свой рев больше грубости, словно сижу в пивной или на трибуне во время футбольного матча:

– Га-га, это вы все сидите в своем лесу, других троллей не видели!.. Да вы знаете, какая мы великая раса? И как нас много?.. И какие мы все разные?

Оба слушали жадно, Чак спросил торопливо:

– Да, нам шаман говорил, что еще есть где-то тролли...

Я спросил саркастически:

– Так и сказал?

– Так...

– Еще, – сказал я насмешливо, – что значит еще? Тролли повсюду!.. Есть целые королевства троллей, но больше, конечно, смешанных, где тролли и люди вместе. Они так и зовутся «Идущие вместе»! И везде с троллями еще как считаются!.. Вы ж понимаете, почему?

Гак обалдело промолчал, а Чак сказал мрачно:

– Мы – сильнее...

– И умнее, – уточнил я. – Только не любим это показывать! Чаще всего тролли вообще правят королевствами. Если в какой стране и выберут королем человека, то он, попадая в окру-

жение троллей – а правительство и олигархи сплошь тролли, – сам быстро отролливается. Так что, ребята, мы рулим!

Тролли повеселели, расправили плечи и на ходу помахивали топорами, срубая ветки. Снег падал с потревоженных деревьев им на головы и голые плечи, но тролли только довольно гоготали и пихали друг друга в сугробы.

Заснеженные стволы наползали навстречу и уходили в стороны. Мы месили снег довольно долго, наконец я услышал слабый запах гари, аромат жареного мяса. Деревья раздвинулись, показалась деревянная стена, ворота со сторожевыми башенками.

Чак выбежал вперед и переговорил с часовыми. Ворота распахнулись, за ними огромная поляна, свободная от деревьев, массивные приземистые дома по кругу, а в центре огромный костер.

Лагерь троллей, на мой взгляд, не слишком отличается от типичного лагеря обычных воинов-наемников. Те же злые вопли, короткие драки, пляски вокруг костров с отрубленными головами противников, отчаянные крики насилуемых женщин, запах жареного мяса, нечистот, крепкого мужского и конского пота...

А здесь даже женщин пока не насилуют, не наловили еще, да и коней нет: поели, тролли предпочитают передвигаться пешими.

Тролли, напомнил я себе успокаивающе, – это всего лишь манеры. Грубая внешность может быть и простой мимикрией. Сколько подростков ходят, угрожающе растопырив руки, словно им горы мускулов не дают прижаться к бокам, смотрят злобно на прохожих, гогочут и плюют им под ноги, чтобы доказать свою крутость, сколько надевают вязаные черные шапочки, чтобы походить на бандитов!

Если троллей надо обязательно считать какими-то вырожденками, то что тогда, профессиональные спортсмены, рестлеры, боксеры, борцы – интеллигенты, что ли? Да и все футбольные фанаты – это еще те тролли, а то и дотролли...

Но ведь не выбрасываем же из общества. Живут в нашем, совсем как люди. И что-то вроде бы даже делают. По крайней мере, не вредят так уж сильно.

Зайчик настороженно шевелил ушами, глаза стали багровыми, время от времени скалил зубы, и тролли отшатывались, бормоча угрозы под нос. Могучие, как я отметил еще раз, все моего роста, но куда мускулистее, шире в плечах, да и вообще... вдвое массивнее, с низкими лбами и невероятно мощными челюстями. Верхняя и нижняя у тролля занимают половину лица, губы там лишние, только широкая щель для пасти, этого хватает, зато всегда видны огромные, как у коней, желтые зубы. Клыки так и вовсе высовываются, как у кабанов.

Из самого большого дома неторопливо вышел вождь. Громадный и поперек себя шире, шлем на голове похож на перевернутый чугунный котел, но два коротких рога указывают, что да, шлем. Морда из-под шлема смотрится кошмаром: верхняя и нижняя челюсти выдвинуты, словно стремятся вонзить зубы как можно раньше. Левую щеку пересекает глубокий крестообразный шрам, на правой кривой рубец идет от скулы и до нижней челюсти.

Голова без всякого дурацкого перехода в шею сидит сразу на широчайших бугристых плечах, маленькие кабаньи глазки смотрят злобно и недоверчиво. В отличие от простых воинов, он в роскошном меховом жилете, распахнутом на могучей и волосатой груди, блестящие плечи блестят, как должен бы блестеть его закопченный шлем, а на перевитые толстыми жилами руки нельзя смотреть без трепета.

– Приветствую, вождь! – сказал я с коня, тут же спешил и повторил: – Привет великому вождю славных героических троллей!

Вождь оглядел меня с сомнением, словно еще не понял: так сожрать или сперва зажарить. Выше меня на два-три пальца, что льстит его самолюбию, грудь по ширине такая же, как у меня вместе с панцирем. Взгляд тут же зацепился за молот на моем поясе, а хриплый и такой густой голос, будто шел из его сапог, проревел:

- Ты им пользуешься?
- Еще как, – заверил я.
- Покажи, – предложил он.

Тролли ехидно заржали, молоты – оружие троллей, а не хилых людей. Я снял молот, взглядом поймал дерево в пяти шагах.

- Смотри...

Стальная болванка понеслась, лопоча по воздуху короткой рукоятью. Тролли не успели повернуть головы, как страшный треск оглушил, словно над головами грянул гром. Дерево содрогнулось от вершины до корней. Середина ствола вылетела, превратившись в щепу, а крона, стряхнув снежную шапку, замедленно опустилась, накрыв многих мерзлыми ветвями.

Молот шлепнул мне в ладонь рукоятью, я задержал его в позиции для нового броска.

- Ну что? Еще что-нить раздрызнуть? Я это дело люблю!

Вождь неожиданно захохотал, глядя, как из-под дерева выкарабкиваются тролли. И другие начали хохотать и указывать на них пальцами.

– Довольно, – ответил вождь между приступами гогота. – Я б такой молот тоже весь день бросал! Га-га-га!

Тролли хохотали и тыкали пальцами в выползающих. Один сильно хромал, над ним ржали, как веселые кони, только одна из самок, в медвежьей шкуре, похожая на медведицу гризли, помогла ему ушкандыбать в сторону домов.

- Да, – сказал вождь довольно, – ты тролль... га-га-га!.. Доказал, га-га-га!

Я поинтересовался:

- И что, здесь не найдется, чем промочить горло?

Вождь посмотрел было на свой дом, но передумал и указал на костер:

- У меня тайн нет. Сейчас принесут эль.

Я сел на поваленное бревно, тролли тут же заняли места на остальных бревнах. Вождь сел рядом со мной. Я еще раз напомнил себе, что троллей надо воспринимать как своих ребят, ну как, примерно, спецназ в боевой экипировке, это когда в кевларовой броне и с сумками, или как омовцев с щитами и дубинками.

В сопровождении гнусно размалеванных рыл в нашу сторону шел, загребая кривыми ногами снег, согбенный, но тоже огромный тролль с железной маской на морде, изображающей что-то омерзительное. Голая грудь испещрена жуткими шрамами, один, похоже, рассек жилы, соединяющие с левой рукой, та бессильно висит вдоль тела. Я внутренне подобрался: идет шаман, а это не просто пещерный интеллектуал, у него рука повреждена, а у калек мощь из неработающих частей тела перебирается в головы.

Когда он подошел и сел у костра напротив, мне показалось, что уже видел его на экране, то ли как директора Внеш-оборонэкспорта, то ли как председателя подкомитета по вооружениям в Госдуме.

- Что хочет этот шпион? – спросил шаман вождя, игнорируя мою заискивающую улыбку.

Я сказал первым:

– Мое сердце обливается кровью, когда вижу, что не все еще тролли знают о своем великом предназначении! Я потому и пришел, чтобы раскрыть вам глаза и сказать всю правду...

Шаман перебил:

- Какой ты тролль? Ты человек! От тебя и пахнет человеком.

Я заговорил с весомостью египетской пирамиды:

– При всем почтении скажу, что вы тут в лесу знаете... маловато. Мир полон троллей! Тролли везде. А вы думали, только вы и есть тролли? Как бы не так. Я знавал троллей, что мелкие, как... как вон ваши дети, но хитрее и ловкие, а еще слышал о троллях, что огромные, как горы!.. Есть тролли северные, есть южные, есть с жадными раскосыми глазами, а есть сплошь

берсерки и даже берсеркеры. Потому что мы – основа! Нас много. И нужно заставить мир с нами считаться. Пора нам выйти из леса, и пусть мир содрогнется от нашего нового порядка!

Тролли тарачились обалдело, потом то один, то другой вскакивали и, потрясая топорами и молотами, орал, что они – великий народ и всем покажут. Наконец уже все орал и бесновались, маска шамана морщилась, повторяя мимику хозяина, а вождь сперва терпел, но поддавался патриотическому энтузиазму и тоже вскочил, орал, показывал небу сжатый кулак.

Я вскинул руки, призывая замолчать, тролли затихли, начали рассаживаться, я продолжил грустно и торжественно:

– К сожалению, часть троллей слишком уж часто вступала в связь с животными. Это нормально, мы развлекаемся на всю катушку, но так на свет появились люди и обезьяны. Впрочем, нет худа без добра: люди из-за своей слабости и немогущности первыми научились сдирать шкуры со зверей и укрываться ими от холода. Они же научились вставлять в дубины шипы, а потом и вовсе вышли из пещер и начали строить дома. Так началось расселение троллей по земле, ибо сами люди без троллей не решились бы высунуть из пещер и кончик носа.

– Правильна! – крикнул Чак. – Отвага – это наше все!

Я кивнул.

– И понятно, что пока люди пытались осваивать новые земли, мы, тролли, попросту отнимали уже освоенные, что законно и справедливо!

– Правильна!

– И пока люди, – добавил я, – ковали орала, мы ковали топоры! Вернее, люди для нас ковали, а мы их за это крышевали. В смысле, защищали.

– Правильна!

– Благородные и могучие тролли, – продолжал я хитрым голосом, – вы не догадываетесь еще, что жизнь с людьми дает известные преимущества. К примеру, мы бы так тоже жили в лесах, если бы люди не начали нас привлекать к работам, где сами они не справляются. Сказано, слабый народец... Вот от них мы узнали, что, оказывается, сперва на свете вообще были только тролли!.. Мы – самый древний народ на свете. Это мы первыми взяли в руки дубины и не выпускаем до сих пор, мы охотились на мамонтов и жгли на кострах всяких грамотеев...

Вождь спросил настороженно:

– Но как же... откуда... другие?

Я отмахнулся.

– Я уже сказал народу, что люди и прочие обезьяны взялись от тех троллей, что оторвались от корней нашего славного прошлого, ушли в искания, выродились, измельчали, а потом вообще превратились в людей и обезьян. Правда, некоторые ушли в горы и там превратились в горных великанов. А мы, основа троллизма, жили прежним укладом, что самый лучший и самый правильный, потому что наш! Эх, как-нибудь, когда будет больше времени, расскажу я вам про наше великое прошлое, которое нужно знать и гордиться, ибо без знания прошлого нет будущего, расскажу про величайших троллей: Аттилу, Чингисхана, Навуходоносора, Тимур-ленга...

Меня окружали десятки морд с отвисшими челюстями и жадно горящими глазами. Даже шаман заинтересовался, а вождь слушал и в восторге хлопал себя ладонями по ляжкам.

– Разве не лучшее доказательство, – сказал я громко и с пафосом, – нашего величия и могущества – Великие войны Магов?.. Разве кто-то помимо троллей мог затеять такие истребительные войны, когда уничтожается все и вся, когда горит сама земля, испаряются города, леса сгорают, как сухая трава?

В наступившей благоговейной тишине совсем не по-троллинному тихо-тихо пискнул Чак:

– И Великие Маги...

– Да, – ответил я твердо и выпятил подбородок.

– ...тоже тролли?

– Я ж говорю, – ответил я, – разве люди так решились бы? Нет, люди только ругаются и обзываются. Это у них называется диспутами, дискуссиями, поисками консенсуса. Люди сами по себе не способны на войны! Тем более кровопролитные. А война, после которой камня на камне, – это наших рук дело! Это лучшее свидетельство нашего величия!

Глава 6

Шаман смотрел на меня с прищуром, я чувствовал, что интеллектуала пробить труднее, надо пробовать что-то еще, я продолжил значительно:

– Наш язык прост, потому что он – самый древний. Еще в пещерах мы говорили на нем, все наскальные надписи Ашурбанипала или Саргона – на языке древних троллей! Отдельные людишки стараются замалчивать или перевернуть это сокровенное знание, но, к счастью, и среди ученых есть тролли! Неопровержимо доказано, что слова за каждую тысячу лет чуть-чуть меняются, но сходства не теряют, и если в самом древнем слове «хлеб» заменить всего четыре буквы, то получится наше нынешнее слово «пиво»! Это неопровержимое доказательство, что все древние великие народы говорили на языке троллей и, значит, были троллями!

Тролли на бревнах вокруг костра хлопали друг друга по плечам и спинам, довольно взреывали. Из домов выходили новые страшные рожи, перли, как кабаны в дубовую рощу, в нашу сторону и останавливались за спинами сидящих. Все как один смотрели на меня враждебно, я торопливо перебирал веские доводы, вождь проревел мне одобительно:

– Ты много знаешь, браток!

– Ага, – ответил я и прогремел, повышая голос: – А кто нам равен?.. Кто?.. Уж не эльфы ли?.. Да вы знаете, кто такие эльфы?.. Когда я слышу слово «эльф», у меня рука тянется к... рукояти молота! Посмотрите на своих свиней, у вас их полные загоны!.. Присмотритесь, присмотритесь!.. какая главная примета эльфов? Так сказать, их отличительная особенность?..

В озадаченной тишине кто-то неуверенно крикнул:

– Ухи...

– Пральня! – заорал я. – Дайте ему пряник!.. Главное, что есть у эльфов, – остроконечные уши! А теперь сравните с ушами ваших свиней, и вы убедитесь, что эльфы и свиньи не просто в родстве, не просто в родстве...

Масса троллей качнулась и внезапно отхлынула от помоста. Я в недоумении смотрел в зеленые спины, что удалялись со скоростью миль пять в час, не ждал такого быстрого отклика.

– Куда это они?

– Побежали сравнивать уши, – пояснил вождь. Он переминался на бревне, словно тоже очень хотел ринуться со всеми, а то и впереди, он же вождь, но долг гостеприимства удерживал. – Свиньи в каждой семье... Вообще-то я и так теперь вижу, что да... эльфы, как бы сказать...

– Не просто родня, – сказал я веско, – а свинячье потомство! Люди от обезьян, эльфы – от свиней, гномы – от кротов, а мы, тролли, – от богов, что и правильно!.. Так что мы, как высшая раса, должны вспомнить о своем высоком предназначении и осуществить наконец Великое Пророчество, в том смысле, что собрать части Амулета, остановить Темные Силы людей, не дать проснуться древнему Злу, закрыть разлом между мирами... а также поспасать мир разными способами.

Он слушал обалдело, наконец прорычал потрясенно:

– И все это... нам?

– А как же? – удивился я. – Вы же Избранные!.. Это ваш долг и прямая обязанность перед всем прогрессивным тролльством. Как самые сильные на земле, вы должны установить свое демократическое правление на всей планете и в первую очередь начать с тех земель, где много нефти и газа... в смысле, добычи и баб! Эх, какая у вас впереди славная дорога...

Он потряс головой, стараясь прийти в себя.

– Дорога? Какая дорога? Куда?

– В лес, что помасштабнее, – сообщил я. – В этом вам уже тесно. Мы обнаружили совсем близко лес, который вдвое больше, добычи там немерено, а самое главное...

– Что?

– Там уже готовый замок, – сообщил я с гордостью. – Прямо посредине. Древними Богами все предусмотрено! Для вас старались. В том замке можно и оборону держать, и хранилище устраивать. Вы же героические тролли, вы строить не любите и не умеете, для этого существуют всякие там неполноценные расы людей и гномов! Так вот тот замок как будто создан для вас...

Шаман спросил с подозрением:

– Мне непонятно, к чему ты все это говоришь.

Я перевел дыхание и заговорил уже другим, деловым голосом:

– Мне, как троллю, хоть и другого вида, обидно, что мои сородичи живут в лесу, малом и тесном.

Шаман возразил резко:

– Мы – лесные тролли!.. Мы не любим степей.

Я сказал примирительно:

– Знаю-знаю. Мы, тролли, перемен очень не любим. Очень редко решаемся на них, хотя всякий раз выигрываем. Вон тролли Чингисхана завоевали сто королевств, сожгли их, людей истребили или увели в полон, прошли с победами до самого дальнего моря, до края земли, и теперь везде в тех королевствах с трепетом вспоминают Чингисхана! Те королевства заново заселяли очень долго, га-га-га!.. Впрочем, я уважаю ваши традиции, сам такой традиционалист, потому даже не пытаюсь звать в степи. Не зову даже жить в одних городах с людьми. Но все-таки одну возможность стоило бы использовать.

– Какую?

– Я ж говорю, – напомнил я, – совсем близко есть еще лес. Намного больше, богаче, а со всех сторон богатые города и деревни. Это значит, добычи много с любой стороны.

Слушали внимательно, с жадным блеском в глазах. Шаман недоверчиво качал головой, а вождь произнес задумчиво:

– Да, конечно... Но как туда пройти?..

– Мудрый вопрос, – похвалил я. – Да, все верно, между этими лесами – поля и города. Но я родня или не родня? Я – гроссграф всех окрестных сел, городов и замков! Выставлю могучую охрану, что не позволит не только приближаться к вам всяким там людишкам, но даже смотреть не дадут на ваше переселение!.. Разве вы не достойны великой доли? Почему ваша доблесть и отвага должны гнить в этом лесу?.. Здесь просто тесно! А как же историческое предназначение? А великое наследие предков? В том лесу есть где развернуться, набраться сил, расплодиться, а потом ка-а-а-ак двинуть на этих жалких людишек...

Из домов торопливо выкатывали бочонки с элем. От костров поменьше бегом несли на толстых прутьях куски жареного мяса, еще шипящие и роняющие капли ароматного сока на снег.

Из дома вождя принесли кубки и чаши, к моему удивлению – серебряные и золотые. Медные достались тем, кто расположился у других костров, а здесь гуляет знать: нет в мире равноправия.

– За победу! – сказал я, перехватывая инициативу. – За наше великое будущее! Разве мы его не достойны? Разве не мы слезли с деревьев, вышли из пещер и переплыли океан? Разве не мы создали самую могучую державу в мире?.. Не пора ли вернуть прошлую славу?

Тролли ревели и потрясали топорами, расплескивая эль. Мы выпили с вождем и даже с шаманом. Вождь быстро пьянел, громко и нескладно ревел боевую песню, где часто повторялся припев «Мы всех порвем!», шаман же как будто трезвел с каждой осушенной чашей, глаза из-под маски поглядывают остро и со все возрастающей подозрительностью.

– А как мы отыщем тот лес?

– Он уже отыщен, – ответил я бодро.

– А переберемся?

– Я же не только тролль, хоть и частично иноземный, – заверил я, – но и властелин над людьми! Я прибуду с большим обозом. Сколько нужно саней? Двадцать? Сорок?.. Сто?

Вождь прорычал в героическом порыве:

– Пятьдесят хватит!..

Я обвел взглядом троллей, что высыпали из домов и сидели у множества костров.

– Не мало?

– Воины пойдут пешком, – сообщил вождь. – На санях только вещи и дети. У нас даже женщины идут рядом с мужчинами!

– Равноправие, – сказал я с восторгом. – Как этого недостает примитивным людишкам! Когда же наконец мы распространим этот благородный принцип на все человечество?

...Зайчик, нажравшись у троллей железа, несясь подобно стрижу над стоячим озером. Тролли, как дети, узнав, что он ест камни, таскали камни, а когда услышали про железо, то выдергивали даже гвозди из своих домов, только бы посмотреть, как дивный конь хрумкает их, как морковку.

Конечно же, после этого ни у кого не осталось никаких сомнений, что я тролль, самый настоящий тролль. И когда я вскочил в седло, меня бежала провожать не только радостно вопящая детвора, но и ликующие родители.

Снежный вихрь завивался спиралью далеко за нами, а борозда в снегу оставалась не глубже, чем если бы пробежал толстый заяц. Разгоряченный элем, обилием сожранного мяса, я не успел промерзнуть на встречном ветре, как показался Орлиный замок.

Стражники приветствовали меня довольным ревом, я отечески улыбнулся и проскакал во внутренний двор. Зайчика перехватили, из донжона высыпали рыцари, некоторые с кубками в руках, морды красные от выпитого, глаза вообще как у вампиров. Сэр Растер вышел, как закованная в железо скала, под ним прогибается не только крыльцо, но и сама земная твердь.

– Сэр Ричард!.. Сердце мое стучит в предвкушении...

– Чего? – спросил я. – Да уберите этого противного коня, что прикидывается собакой! Он меня затопчет.

Сэр Растер проревел:

– Вы куда-то ездили!

– И чё? – спросил я.

– Вы зря никуда не ездите, – уличил Растер под одобрительный рев. – Вы настоящий лорд, сэр Ричард! Все о нас думаете, все о нас... Это на Митчелла я мог бы подумать, что поехал свежих баб искать, еще на Макса... тот за прекрасной дамой мог бы...

– А я? – спросил я.

– Вы что-то придумали для нас, – заявил Растер под новый одобрительный рев. – Вы – настоящий лорд!

– Гм, – ответил я, – ну... не стану вас разочаровывать. Возвращайтесь за стол.

Сэр Растер захохотал так, что с неба донеслось грохочущее эхо:

– Слышали? Все слышали?.. Быстрее за стол, я чувую, что не успеем допить наше вино, как зазвучит труба!

Они расступились, я прошел в холл, крикнув на ходу:

– Сэр Растер, пир не прерывать!.. Я к себе мыслить о судьбах Отечества! За вами пошлю чуть позже.

Сэр Макс уточнил почтительно вдогонку:

– А вы придете на пир?

– Пир придет ко мне, – ответил я веско. – Индивидуально. Не беспокойтесь, за нами все горит!

Через полчаса сэр Растер, широкий и красномордый, втиснулся через узкую для него дверь, в комнате запахло вином, пляжами Италии и шашлыками из баранины.

– Да, сэр Ричард?

– Простите, сэр Растер, – повинился я, – что отрываю вас от благородного пира, истинной забавы мужественных мужчин и благородных рыцарей, но мне снова нужна ваша мудрость... А теперь еще и ваша воинская доблесть, организаторские способности и широкий кругозор!

Сэр Растер кивал, бронзовел на глазах, в лице проступила государственность, а в глазах заблестали звезды.

– Сэр Ричард, – ответил он церемонно, – я к вашим услугам. Что могу сделать для блага Армландии?... Куда едем теперь?

Я сказал с восторгом:

– Как вы быстро все схватываете!.. И сразу поняли, что я уже приготовил вам сложное и ответственное задание. Очень серьезное. По укреплению мощи великой Армландии и снижению потенциала нашего стратегического противника Турнедо. Предстоит очень важная операция! Поручаю вам, как опытному воину, а еще как великому знатоку окрестных мест, включая территорию королевства Турнедо.

Он покраснел от удовольствия, мясистый рот раздвинулся до ушей.

– Располагайте мною, сэр Ричард!

Я сказал значительно:

– Операция... снова зимняя.

Он охнул:

– Зимняя? Опять?... Хотя да, конечно... Кто воюет зимой, тот выигрывает, да? Ну, сэр Ричард, вы переписываете всю военную стратегию!

– Наполеон был первым, – заметил я, – потом подтянулись и остальные орлы вроде нас. Но задача как раз в том, как провести могучее войско по горам и долам на протяжении ста миль, стараясь остаться не замеченными не только войсками, но и, по возможности, местным населением.

Он вытаращил глаза:

– Как это возможно?

– Надо постараться, – заметил я мягко, как истинный отец народов, дальновидный и мудрый. – Придумать что-то отвлекающее. Пожалуй, стоит привлечь Митчелла...

Он спросил с некоторым удивлением:

– А барона Альбрехта? Я не очень его долюбиваю, но это хитрый лис...

– И барона привлечем, – пообещал я, – но верховное руководство сложной и важной операцией по повышению обороноспособности страны и ослаблению потенциальных противников... за вами, сэр Растер!

Глава 7

Суворов говорил, что если бы рубашка проведала о его планах, он бы ее сжег. Я помалкивал о самой сути операции, даже когда к подножию горы подогнали множество саней с широкими полозьями, чтобы шли с грузом по целинному снегу.

Кони ржали и потряхивали гривами, на санях мешки с пшеницей, тюки сена. Рыцарям выводили коней, я смотрел из окна на двор, где мое шлемоблещущее воинство взбирается в седла, красивое зрелище: на фоне белого снега все особенно цветное и яркое.

Конюхи вывели Зайчика, а пока его укрывали красивыми попонами и седлали, я вышел на крыльцо, встреченный мощным довольным ревом, улыбнулся отечески и прошел в центр.

Рыцарство смотрит с ожиданием, я взобрался на Зайчика и вскинул руку так, чтобы выглядела не рукой, а дланью.

Все умолкли, я сказал властно:

– Выступаем!.. Сэр Макс, распорядитесь оставить в замке надежную охрану. Мы не надолго, но все же...

– Куда едем, сэр Ричард?

– Дорогу укажу, – ответил я значительно.

Когда впереди показался темный Орочий лес, мрачный и грозный, рыцари начали переглядываться, по рядам пополз шепот.

Ко мне подъехал, взбивая пышный снег, барон Альбрехт.

– Сэр Ричард, – сказал он тихо, – простите, что отрываю от благочестивых размышлений, но среди вашего отряда зреет некоторое замешательство...

– Да? – удивился я. – Только зреет? Какие тугодумы, однако.

– Не будь к вам такое доверие, – заметил он, – созрело бы раньше.

– А что случилось?

– Есть мнение, что у нас недостаточно сил для вторжения в Орочий лес, – проговорил он все так же тихо. – Да еще зимой.

Я отмахнулся.

– Зимой плохо воевать не только нам, но и противнику. Но кто сказал, барон, что едем воевать? Все наоборот!..

– Это как, сэр Ричард?

– Все просто, сэр Альбрехт. Мы едем к троллям...

– Простите, к оркам?

Я отмахнулся.

– Этим лесом владеют тролли. То ли истребили туземцев, то ли цивилизовали так, что коренного населения не осталось даже для праздников, для нашей современной политики неважно. Жалко нам, что ли? Это их внутренние суверенные дела. Зато у меня с этими троллями договоренность... Что вы поднимаете брови? Да, как рыцарь, я обязан опустить забрало и, выставив копье, ринуться колоть, рубить и повергать этих зеленомордых. Уже только за то, что зеленомордые. Зеленомордость – зло, знаю. Но если с другой стороны, общечеловечьей, – это какой-то шовинизм! Дорогой барон, когда надо, мы такие общечеловеки, что настоящие нам и в подметки... У троллей просто другие нравственные ценности, иная религия и философские взгляды. За это в цивилизованном обществе не убивают!

Он покачал головой:

– То в цивилизованном. А в нашем?

Я вздохнул:

– Ну, цивилизованного я вообще-то еще не видел. Нигде. Однако даже в нашем нецивильном не хочу быть идиотом. Так что в данном случае вы зрите рядом с собой не простого

рыцаря или даже паладина, а гроссграфа, которого упорно отказываетесь по каким-то причинам... я вам это еще припомню, признавать гроссграфом.

Он кисло скривился.

– Уточним, что лично я признал, иначе не был бы с вами рядом.

– Простите, – повинился я, – но подвернулся случай врезать, как удержаться?

– Понимаю, хотя я как-то удерживаюсь, – заметил он холодно. – И вам, если хотите быть гроссграфом, придется смирять свои естественные желания и улыбаться, улыбаться, улыбаться...

– Знаю, – ответил я со вздохом. – К вечеру уже рот болит. Словом, как-то я заехал к этим ребятам на огонек... довольно дружелюбные, кстати, хоть и своеобразные, даже своеобразные местами. Поговорил с ними за жисть, за баб и международную политику. Вы не представляете, как после шестой чаши с пивом начинают совпадать взгляды и ценности!

Он пробормотал настороженно:

– Ну, это я в принципе представить могу. Такое возможно даже после пятой чаши.

– Вот видите! И мы сообща пришли к выводу, что им уже пора в связи с перенаселением занимать новые анклавы типа Косово. Вы сами мне однажды показывали на карте некий любопытный лес, забыли? А я вот помню. Это в ста милях от Орочьего.

Он вздрогнул, глаза расширились.

– Но тот лес в королевстве Турнедо! И вообще...

– Тролли не понимают в географии, – заверил я. – К тому же для них все люди одинаковые. Инфидели.

– Сэр Ричард, – вскричал он с упреком, – я слушаю вас, но все равно не верю!

– Чему? – удивился я. – Что прем к троллям?.. Сэр Альбрехт, разве не удалась нам не менее безумная акция? Это я бессовестно напоминаю о красивом и даже в некотором роде изящнейшем захвате Орлиного замка. Только в данном случае обойдемся без крови. Но победа нам нужна.

Он смотрел на меня, широко распахнув глаза. На его лице сменялись недоверие, изумление, отвращение, снова неверие в мои слова.

– Сэр Ричард... это безумие!

– Я уже общался с ними, – повторил я. – В самом деле. Не такие уж они и звери. Да и не жениться мы едем, в конце концов! Ну, подумаешь, зеленомордые каннибалы! А если это у них своеобразная культура такая? Нужно быть терпимее, барон. Даже слово «тролль», возможно, заменим из политкорректности на что-нить более обтекаемое... ну, типа «афроамерикоармландец» или что-нить еще... Ладно, мы отвлеклись. И вообще, сэр Альбрехт! Уж не боитесь ли вы?

Он выпрямился, фыркнул.

– Сэр Ричард, теперь я вас не понимаю. Вы знаете, я не избегаю схваток. Но лезть прямо в логово к троллям... Их всегда столько, что в лесу сомнут даже королевское войско. Мы не сможем организовать оборону по всем правилам.

Я сказал как можно доброжелательнее:

– Я поеду впереди. Ну... сэр Растер тоже не захочет меня оставить одного, он такой. А вам поручаю провести в их крепость сани... только позже, когда убедитесь, что драки нет.

Не дожидаясь ответа, я сжал бока Зайчика ногами, и хотя его бока фиг сожмешь, он понял и галопом пошел вперед, взрывая снег, словно стремительно летящий на бреющем полете носорог.

– Стойте! – донесся далеко со спины далекий крик.

Я оглянулся, Альбрехт отчаянно махал руками.

– Что еще? – спросил я нетерпеливо.

Он с трудом догнал меня, хотя мы с Зайчиком стоим как вкопанные, прокричал зло:

– Сэр Ричард, у вас головокружение от внезапной и даже, можно сказать, не совсем заслуженной!.. Вернитесь и скажите рыцарям сами, куда едем! Я – не решусь.

Я посмотрел в его злое решительное лицо со сверкающими гневом глазами.

– Простите, барон, – сказал я смиренно, – вы правы, а я – дурак. Что мне кажется очевидным, для других – как обухом по голове. То же самое и в наобороте... Вы правы. Спасибо, что остановили и... напомнили.

Он все еще зло раздувал ноздри и сверкал глазами, а я, смиренно поклонившись, повернул коня и ринулся навстречу обозу. Кони идут бодро, пустые сани сами летят следом. Рыцари едут сосредоточенные и обеспокоенные, а когда я остановил Зайчика, сразу подъехали и собрались тесной группой.

Я вскинул руку, призывая к тишине, и даже кони перестали всхрапывать, настобурчив острые, как у эльфов, уши.

– Дорогие друзья, – сказал я торжественно. – Собратья!.. Мы на пороге превращения нашей Армландии в великую державу, где все вы будете вознаграждены более чем. Рядовые рыцари обаронятся, овиконтятся и ографятся, бароны – огерцогятся. Кроме того, у всех будут несметные владения с множеством земель, городов, замков, скота, пернатой птицы и лесов для благородных забав!..

Все слушали с горящими глазами. Красные от мороза лица вообще запылали, в глазах зажегся неистовый пламень христианской веры.

Из задних рядов крикнули срывающимся голосом:

– Сеньор Ричард! С вами – хоть в ад! Только прикажите!

Мощный рев был ему ответом. Над головами заблестали обнаженные клинки мечей, топоры. Все орали очень воинственное и героическое, ставши похожими на троллей. На деревьях проснулись и разлетелись птицы, стряхивая нам на головы снег, в берлогах пробудились медведи и всякие там суслики, а ближайшие деревья треснули с пушечным грохотом, раскалываясь от кроны и до корней.

Я улыбался, кланялся, снова улыбался и кланялся, наконец воздел руки и, дождавшись тишины, заговорил:

– Захват Орлиного замка – ерунда. Вот сейчас только делаем первый шаг к нашему настоящему, даже истинному величию! Кто у нас главный враг?.. Понятно же, что не какие-то там драконы, орки, тролли или гномы, а кто?.. Правильно – соседи! Они спят и видят, как захватят наши земли, нас обратят в нищих, изнасилуют наших жен и дочерей, а потом заставят их выносить ночные горшки господам. Единственный путь избежать такого гнуснейшего поругания нашей чести и достоинства – стать самим сильнее и дать несправедливости отпор заранее! К счастью, мне удалось найти естественных, пусть и временных, союзников. Очень могучих, свирепых и обожающих воевать!

Сэр Макс вскрикнул восторженно:

– Кто эти люди?

Я сделал паузу, на меня смотрят, застыв, с полными страсти и ожидания лицами.

– Это не люди, – ответил я, чуть помедлив. – Это... тролли. Они истребили орков и уже давно захватили их лес. Теперь этот лес Орочий только по названию.

Все оцепенели, лица медленно бледнели. К нашей группе подъехал барон Альбрехт, мрачный и суровый, испытующе посмотрел на меня. Я ощутил злость, но пока молчал, только стискивал челюсти, играя желваками. Я их достаточно воспламенил возможностью стать баронами и графами, владеть огромными землями, теперь должны сообразить, что такое даром не дается.

Сэр Растер кашлянул гулко, будто выстрелил из пушки, заговорил хриплым простуженным голосом:

– Сэр Ричард, мой мозг не столь быстр, чтобы успевать мыслью за вашими решениями. С троллями надо воевать! А вы намерены с ними.... даже общаться?

Я сказал учтиво:

– Сэр Растер, вы абсолютно правы! Воевать мы должны как с Гиллебердом или любым, кто вторгнется в наши земли, так и с троллями!.. Но воевать мы должны, когда выгодно нам, а не противнику.

– Это не по-рыцарски! – запротестовал Макс.

Я воскликнул:

– И вы абсолютно правы, сэр Макс, что просто удивительно! Мы рыцари, благородные рыцари, потому будем всегда и везде воевать по-рыцарски... с другими рыцарями, конечно. С диким кабаном на охоте вы сражаетесь несколько иначе, верно? Мы просто без всякого сражения освободим Орочий лес от засевших там омерзительных троллей. К тому же я планирую использовать этих зеленомордых для вящей славы Господней, нашего и вашего растущего богатства и –даже...

Макс спросил почти жалобно:

– Как? Сэр Ричард, как мы можем?.. Это же нечестивые существа!

– От этих нечестивых пока что меньше вреда, – огрызнулся я, – чем от благочестивого Гиллеберда. Пока что. Весной начнут выходить из леса... и тогда начнется разграбление деревень, пожары, убытки! Я задумал этих троллей перевести из Орочьего леса в тот, что в Турнедо! Да, это во владениях Гиллеберда. Но никто не заметит, мы пройдем, избегая сел и деревень. А там уже пусть сам Гиллеберд и разбирается с ними. Таким образом избавимся сразу от двух зол! Вы меня поняли?

Все молчали, переваривая, я видел, как на лицах благородных рыцарей борются одни взгляды с другими, страсти с устоями, чистота помыслов с выгодой. Я помалкивал, знаю, что в конце концов в мире победило.

Неожиданно заговорил дотоле молчавший сэр Альбрехт:

– Решение сэра Ричарда говорит о его мудрости и ответственности. Он берет на свои плечи как грех общения с нечестивыми существами, так и все последствия. Полагаю, мы должны следовать за ним и дальше. Мы лишь выполняем его приказы... Вся вина перед Господом, если она есть, на сэре Ричарде. Наши руки и помыслы остаются чистыми. А пожалования землями – да, это будет, я вижу.

Я с облегчением перевел дух, стараясь не показывать, что уже струсил, пахло откровенным неповиновением, выдавил улыбку и орлиным взором не знающего сомнений военачальника обвел железоблещущее войско.

Все опустили головы и перекрестились, сэр Растер в некотором сомнении все же проговорил:

– Ладно, мы поняли. Вы решаете, вам и отвечать. Идем дальше?

– Вы правы, сэр Растер, – ответил я. – Могу добавить только, что лично мы прем с самой что ни есть миротворческой миссией! Постараемся провести троллей так, чтобы не грабили и не уничтожали на пути людские селения. Сделаем все, чтобы оградить от встречи с ними случайных путников, иначе их гибель будет на нашей совести. Наша миссия угодна Господу, мы предотвращаем пролитие христианской крови. Продолжайте путь, а вы, сэр Растер, и вы, барон, следуйте со мной.

Растер оглянулся на молчаливого Митчелла.

– А он?

– Митчелл, – сказал я, – ты сможешь не бросаться с мечом на троллей? Сейчас они наши союзники, а не враги!

Митчелл хмуро кивнул, но ответил с тяжеловесной рыцарской учтивостью:

– Сэр Ричард, я приучен повиноваться сюзерену. Мне дан приказ, так что я не подведу вас.

– Тогда с нами.

Мы выехали вперед, я старался оторваться от обоза, мне на Зайчике легко пробиваться через толщу снега, кони сэра Растера, барона Альбрехта и сэра Митчелла выбивались из сил. Снег кое-где поднимается до конской груди, наконец я уже увидел первый завал из деревьев, крикнул громко:

– Я вернулся!.. Чак здесь?

Ветки справа и слева зашевелились, высунулись укрытые грубыми металлическими шлемами головы. Широкие злобные морды уставились враждебно, клыки наружу. Рыцари тут же настороженно метнули ладони к рукоятям мечей.

Одна из морд прорычала:

– Чак в селении... Здесь я старший.

– Как зовут? – спросил я.

– Гайдак...

– Гайдак, – сказал я повелительно больше для своих, чем для тролля, – веди нас в стойбище. Там за мной большой отряд, а еще везут сани для женщин, детей и скарба. А вы, доблестные сэры, останьтесь здесь, надо совместно с этими зелеными ребятами встретить наших, чтобы не... удивились.

Троль высунулся до пояса, закутанный в толстую шкуру, через плечо широкая перевязь, в руках огромный топор. Маленькие злобные глазки с подозрением перебежали с сэра Альбрехта на сэра Митчелла.

– Ладно, – прорычал он, – эти двое пусть остаются. Если что, их убьют. И сожрут.

– Договорились, – согласился я. – Веди!

Он уставился на сэра Растера.

– А этот... где-то я его уже видел...

– Я тоже, – согласился я, – где я его только не видел!

Растер насупился, пробурчал:

– Вы там без намекиваний, без намекиваний...

Гайдак вздрогнул и сказал пораженно:

– И голос!..

– Так ты и в аду бывал? – спросил я тролля. – Ладно, веди. Сэр Митчелл, постарайтесь быть дипломатом. Это важно для процветания Армландии и распространения просвещенного армландизма среди слаборазвитых и недоразвитых стран с нерыночной экономикой.

Гайдак пошел впереди, массивный, на голове и плечах снег, огромный топор в руке. Иногда легко и как бы играючи перерубывал толстые ветви промерзших деревьев, сэр Растер уважительно покачивал головой – троль орудует тяжелым топором, словно ножичком.

Толстые ноги в грубо сшитых сапогах несут тролля по засыпанной снегом дороге без усилий. Наши кони пробираются с трудом, но в лесу тихо, ветер остался на опушке. Знакомый бодрящий запах гари мы ощутили задолго до того, как увидели крыши огромных домов, где тролли живут сообща огромными семьями, не делая различия в кровном родстве. Заснеженные деревья расступились, показалась высокая стена частокола, массивные ворота, башенка для часового.

Из широкого окна высунулась широкая зеленая морда.

– Кто идет? – прокричала морда.

Гайдак рыкнул зло:

– Не видишь? Я иду. И эти... к вождю.

Похоже, он так и не решился признать меня троллем, хоть и другого подвида. Сэр Растер слегка побледнел и держался ко мне поближе, а на лице застыла напряженная улыбка, больше похожая на гримасу.

Ворота заскрипели, отворяясь. Сверху нам на головы свалилась шапка снега, тролли гулко захохотали. Проезжая мимо часового, крикнувшего бодро «Кто идет?», я сказал мило-стиво:

– Благодарю за службу, воин.

Он выпятил грудь и проорал зычно:

– Служу племени!!!

– Молодец, – сказал я отечески. – Родина вас не забудет.

Глава 8

Деревья расступились, мы услышали громкую и нестройную музыку. На огромной очищенной и утоптанной поляне масса троллей, обнявшись за плечи, дружно топают в танце, двигаясь по кругу то в одну сторону, то в другую. Остальные режут в лад, притопывают и стучат в деревянные щиты рукоятками топоров. Получается слаженно и грозно. Вообще-то такое искусство самое то для пипла, это не какие-то непонятные бетховены, народу нужны марши. Тролли прям созданы для грохота литавр и рева геликонов, пира, схватки и победы над идиотами, что болеют за другую команду.

Повсюду костры, многие тролли без всякой нужды ходят и бегают с пылающими факелами в руках. Ну и что если и без них светло, зато грозно и красиво. Факельное шествие всегда будоражит кровь.

Молодцы, мелькнуло у меня. Всегда бодрые, жизнерадостные, веселые, никаких мерехлюндий. Не могу себе представить, чтобы хоть один тролль покончил с собой. Из-за любви, разочарования в жизни или потому, что на выборах победила другая партия. Вот эльфы – да, эти могут. Эти вообще пачками могут... Да и хрен с ними, их не жалко.

Настроенный на этот лад, я уже издали улыбался не просто благожелательно, а весело и дружелюбно. Тролли, народ грубый, но чуткий, это улавливали, заорали ликующе, мол, еще один повод выпить.

Я вскинул ладони.

– Наступают великие времена! – провозгласил я громко и приподнято. – Сегодня впервые выйдем из этого леса! Встречайте моего друга, сэра Растера. А еще скоро подъедет весь обоз!

Танцы прекратились, музыка умолкла. Из домов выскакивали новые тролли, многие с оружием, хотя и без него эти твари жутковатые. Нас моментально окружили, гвалт поднялся дикий, многие потрясали топорами и требовали нас съесть немедленно. Затем вопли отрезало, как ножом. Из самого большого здания вышел в короткой медвежьей шубе до колен вождь.

Он повел дланью, все притихли еще больше. Слышно стало, как постукивают зубы сэра Растера.

Я сказал громко:

– Великий вождь, я привез с собой полсотни саней. Надеюсь, вы, как настоящие герои, готовы отправиться в путь немедленно?

Толпа молчала, вождь морщился, мялся, наконец ответил с неохотой:

– Вообще-то нужно сперва послать в тот лес разведчиков... А то вдруг там и леса нет? А наше племя ждет погибель?

Я сказал быстро:

– Мудрое решение, вождь. Но если имеешь дело с чужаком! А мы – свои. Мы пойдем рядом с твоими людьми. Если вдруг что не так – убейте нас первыми! Как не оправдавших доверие.

Толпа опять заорала, вождь спросил:

– А почему зимой, а не летом? Летом легче...

– Летом пришлось бы идти через болота, – ответил я быстро. – Либо обходить по большому кругу. А болот там много! Дорога растянется на месяц. И еще летом людей везде как муравьев. Если драться со всеми, никаких троллей не хватит. Нет, надо зимой, пока все спят, запершись в своих домах.

Растер неожиданно подал голос:

– Летом рыцари воюют. Но если увидят вас, то не станут друг с другом, а ударят с двух сторон.

Вождь посмотрел на него с подозрением. Вместе с тремя могучими телохранителями приблизился и уставился на сэра Растера.

– Чандлер? – спросил он неуверенно. – Но почему морда такая... красная?.. Нет, это не Чандлер... Но, Великий Тролль, до чего же похож...

Гайдак, что не отходил от нас, проворчал:

– А я вообще подумал, что это ты, Кандлер. Вы с братом близнецы, да?

– Близнецы, – буркнул вождь.

– Вот и я то говорю!

– Неужто так похожи?

– А ты посмотри, – предложил Гайдак. – Не только морда, даже шрамы!..

– Это человек? Или тролль? – поинтересовался вождь у меня.

– Тролль, – заверил я. – Правда, набравшийся от людей всякого непотребства. Но в душе он простой и честный тролль.

К счастью, Растер не услышал этого из-за поднявшегося рева, когда в распахнутые ворота ввалилась несметная толпа троллей, а за ними, храпя и делая большие глаза, лошади тащили пустые сани. Бледные рыцари держались тесной кучкой по бокам и сзади, мне показалось, что некоторые на грани обморока.

Похоже, часть троллей решили, что коней надо съесть, начались крики, рев, суматоха. Растер размахивал руками и указывал возницам, где остановиться, рыцарям велел спешиться, быстро входя в роль вожака отряда.

Уже и телохранители смотрели с жадным интересом, как Растер грозным ревом и бранью наводит порядок, выстраивая как коней, так и рыцарей, торопит с началом погрузки.

– Да, – признал вождь, – теперь вижу! Выходит, мы, тролли, бываем даже красномордыми?

– То настоящий тролль, – определил один из телохранителей. – Ты, Кандлер, не теряйся где-нить, а то перепутаем.

Тролли, наглядевшись на коней и рыцарей, начали наконец вытаскивать из домов скарб и забрасывать на сани. Детишки разбегались в стороны, их ловили матери, старшие братья и сестры, забрасывали в сани, а те весело выпрыгивали снова, придумав новую игру.

Наконец все, кроме воинов, разместились в санях. Я видел, как бледнеет барон Альбрехт: троллей оказалось больше, чем мы прикидывали. Они сейчас способны не только прихлопнуть нас всех, как комаров: вряд ли против их натиска устоит даже войско любого из феодалов. Против такой силищи понадобилось бы собирать рыцарей по всей Армландии.

Я забеспокоился, не видно Митчелла, барон Альбрехт тут же начал шарить взглядом по сторонам, вскрикнул с изумлением:

– Господи, только не это!

Митчелл и один тролль в сторонке азартно метали топоры в дерево. Митчелл, как я знал, всегда бахвалился умением бросать метко топор, а теперь вдруг обнаружил равного по силе соперника. Они швыряли смертоносное оружие, тут же бросались выдергивать топоры из дерева, несмотря на то что вдогонку уже летит топор противника.

Оба орали, спорили, обвиняли друг друга в жульничестве, барон Альбрехт пожаловался, что все работают, а эти развлекаются, я и сам так думал и уже хотел прекратить безобразие, но Альбрехту сказал, что так они крепят взаимопонимание и дружбу народов.

– Какое взаимопонимание, – ответил Альбрехт безнадежно. – Как только вы с сэром Растером отбыли, Митчелл поинтересовался у одного из зеленомордых, что у него во фляжке...

– И?..

– А дальше сами знаете!

Я торопливо оглянулся на сани.

– Только Растеру не говорите.

– Да уж скрываю, – ответил Альбрехт. – Ладно, пойду помогу...

Вождь вознамерился разделить племя пополам, одну часть оставить на старом месте, но я возразил, что второй раз провести будет труднее: шансы проклятых людишек обнаружить нас увеличиваются вдвое. Да и дать отпор проще, когда все племя вместе, а не расчленено.

Сэр Растер подошел доложить, что можно трогаться, послушал и сказал, что да, вместе – сила, а потом вообще будет лето, людишки кишмя кишат везде, от них ничто не скроется, а на новом месте сперва надо обустроиться. Вождь наконец махнул лапищей, прокричал, чтобы грузили все, ничего не оставляли.

Впрочем, я лишь дивился, как мало у троллей имущества. Сперва страшился, что саней не хватит, но хотя троллей оказалось намного больше, чем предполагал, на санях удобно разместились, кроме вещей, еще и детишки с матерями.

Вперед я послал на легких конях разведчиков, чтобы заранее высматривали народ и предупреждали нас, затем головной отряд рыцарей, следом – обоз, а завершающими еще с десятков наших конников, дабы поглядывали еще и по сторонам.

Сэр Растер сновал вдоль обоза, следил за порядком, с другой стороны точно так же бдил вождь троллей. Если бы не красно– и зеленомордость, их бы, пожалуй, все-таки путали.

Когда мы выехали из леса, сэр Альбрехт сказал с облегчением:

– А ведь и эта ваша нелепая затея... тьфу-тьфу, вроде бы не совсем провалилась. Возможно, даже и не провалится.

– Спасибо, что подбодрили, – сказал я язвительно.

– Да нужно ли это вам?

– Нужно, – ответил я сердито. – Это я сверху такой толстокожий, а внутри нежный, пушистый и ранимый. На самом деле я нечто вроде эльфа с лирой, но не признаваться же в таком уродстве настоящим мужчинам?

Он посмотрел на меня с сомнением, явно стараясь увидеть эльфа, да еще с лирой, но я столько нацепил масок одна поверх другой, что уже и сам не отдеру нужную. Да и человек без маски – тупое убожество, быдло, скот, потому что вся культура, вся цивилизация – это нечто нарисованное поверх нашего скотского рыла, а то и звериной морды. Мы только тогда люди, когда в маске.

Шумно подъехал сэр Растер, доложил, что все продвигается по плану, тут же пожаловался:

– Одного не пойму, что это меня все троллем называют?

Мы с бароном переглянулись, барон заинтересовался:

– Даже наши рыцари?

– Ну да!

– Гм, – сказал барон, – это они у троллей переняли.

– А те чего?

Барон сделал очень серьезное лицо и сказал торжественно:

– Уважают! Вот меня никто троллем так ни разу и не назвал...

Он вздохнул горестно, Растер сразу же окинул его пренебрежительным взглядом.

– Больно хлиповаты, барон, какой из вас тролль? Разве что эльф какой-нибудь заморенный...

Загоготал и послал коня вперед, шумный и очень довольный. Барон кивнул ему вслед.

– Теперь понимаю, почему вы назначили его вожаком похода. Кстати, Митчелла тоже удачно взяли. Он первым сошелся с этими зеленомордыми.

Я сказал осторожно:

– В политике, сэр Альбрехт, ради важного дела можно заключить союз даже с самим дьяволом. Нужно только быть уверенным, что проведешь дьявола, а не он тебя.

Лицо барона слегка потвердело. После выдержанной паузы он спросил холодно:

– Не слишком ли недостойно?

– Слишком или нет, – сказал я честно, – не знаю. Что недостойно, согласен. Знаете, барон, я сам себе противен! Но я вижу, что если буду щепетильничать, все останется на своих местах. А нещепетильных людей хватает, хватает... Они все равно выгоду не упустят. Так что пусть лучше я все-таки запачкаюсь где дерьмом, где кровью, но выведу наш корабль на большую и чистую воду.

Некоторое время ехали молча. Прискакал разведчик и доложил, что если вот так прямо, то через две-три мили увидим село. И оттуда нас увидят тоже. Пришлось свернуть, постояли на обочине, разом охватывая взглядом все племя. Все двигаются неудержимо, целеустремленно, в их до предела узких лбах живет только одна мысль: убивать, грабить, насиловать.

Барон Альбрехт с содроганием смотрел на тупые лица, где челюсти занимают две трети всего лица, пасти крупные, как у зверей, а зубы у всех лошадиные, только клыки настоящие волчьи, даже хуже – человечьи. Идут по колено в снегу, а где и по пояс, никто не ропщет, невзгоды переносят с равнодушием и терпением животных, и так же как животные, что ждут в конце пути отдых и сытную кормежку, так и эти ждут возможность убивать, пытаться, насиловать, жечь...

– А что, – прервал молчание я, – настоящие воины.

Барон Альбрехт вскинулся.

– Настоящие?

– Ну да. Мятеж не устроят, даже не додумаются. Идут, куда велено. Не ропщут.

– У настоящих верность господину, – возразил он. – Омаж, присяга. А эти идут не из-за верности, а ради убийств и грабежа. Я понимаю, так было в гнусные времена язычества, так что, сэр Ричард, я вас просто не понимаю.

Я вздохнул.

– Я себя тоже часто не понимаю, зато... начинаю понимать политиков, что во все времена и при всех режимах шли на сотрудничество с троллями. Вон король Буш всячески снабжал деньгами и оружием одного опасного зверя, пока тот не обрушился на него самого, потом помогал другому вождю троллей, а потом сам же на него напал. Да и вообще, как по себе вижу, политика – грязное дело... как и всякое строительство. Зато потом будем жить в чистом светлом мире.

Барон пропустил мимо ушей, как всегда делал, упоминание про неизвестных ему королей, я же больше путешествовал и больше знаю, спросил очень осторожно:

– Не значит ли это, сэр Ричард...

Он умолк, не решаясь сказать то, что вертится на языке. Я сказал спокойно:

– Договаривайте, барон.

– Да просто язык не поворачивается, сэр Ричард.

– Мы не рыцари в данный миг, – напомнил я.

– А кто?

– Политики.

Он тяжело вздохнул.

– Не значит ли, что вы замыслили не просто избавить Орочий лес от троллей?

– Сперва была только эта идея, – признался я. – Но, как всякий политик, я стараюсь выжать максимум возможностей. Уже простым переселением убиваем двух зайцев: тролли перестают вредить нам и будут вредить Гиллеберду. Это в духе нормальной разумной политики добрососедства, так везде, с этим все как у людей. Второе, я буду поддерживать с ними связь. Они хорошие воины, размножаются быстро, стоят очень дешево. Почему не снабжать их всем необходимым для жизни, я имею в виду – современным оружием, не указывая страну происхождения? Пусть тревожат набегами Гиллеберда! Ему будет не до нас. Кстати, вообще

можно создать ударные отряды из троллей, а затем попытаться перевести нашу армию на кон-трактную основу! Хотя бы частично.

– Гм, вот почему к ним с таким вниманием...

– Знаете, барон, – прервал я, – как вы сами знаете, некоторые многообещающие идеи оказываются куценькими, а некоторое – ого-го! И не подумал бы сперва, что их можно доить и доить.

– Это как?

– Вы обратили внимание, насколько тролли неприхот-ливы?

Он смолчал, только посмотрел вдоль растянувшегося обоза. Тролли идут пешком, никто не ропщет во время перехода, даже женщины вылезли из саней и топают рядом, а то и помогают коням тащить сани.

Труднее всего передним ездокам, рыхлят снег, вторая половина обоза скользит по нака-танной колее, потому часто меняются. Передние тролли ломаются через глубокий снег, все обве-шаны сосульками, снег на плечах и головах, дыхание из пастей вырывается плотными клубами тумана.

Рыцари тоже иногда слезают с уставших коней, идут рядом. У всех белые брови, а кто обзавелся усами или бородой, эти еще и в сосульках.

– Могут спать на снегу, – сказал я. – Жрут все, что движется, а когда его нет, могут и кору деревьев... Про их отвагу и стойкость в бою уже молчу, слышаны. Ну, вы поняли, на что я намекиваю...

Некоторое время ехали молча. Снег иногда так начинает искриться под ярким солнцем, что глаза режет, будто в каждой снежинке крохотное солнце. Альбрехт морщился, закрывал глаза ладонью, наконец пробормотал в нерешительности:

– Да, понимаю, понимаю. Есть желание как-то приспособить их в обществе. Особенно – в военном деле. Убьют – не жалко. Но все-таки... гм...

– Что смущает?

– Это все-таки не люди.

Я пожал плечами:

– А много ли среди людей в самом деле людей?

Он подумал, приподнял в усмешке угол рта.

– Да, собственно, для функционирования общества, вы правы, нет необходимости, чтобы все были людьми. У нас ряд работ выполняют люди, что почти и не люди... Конечно, тролли тоже могут. Например, всех тюремщиков можно заменить троллями. Да и вешать или рубить головы будут охотно. За это их только кормить.

– Ну вот, – сказал я, – барон, я вам удивляюсь! Вы так быстро все схватываете! Меня просто оторопь берет. Вы везде дальше меня идете!.. Меня, увы, всегда что-то останавливает. А вы вот твердо знаете, что Бога нет...

Он взглянул на меня искоса, слабая улыбка пробежала по губам, он посмотрел на меня, как на состоящего в том же тайном обществе.

– Ну, почему же, – проронил он негромко, – я никогда не отрицал существование Творца... вслух.

Я тоже помолчал и посмотрел на него тем понимающим взглядом, что можно истолковать как угодно. Барон, похоже, истолковал так, как хотел, а я улыбаюсь дружески и общи-чески, но в груди медленно разрастается холодная и беззвездная пустота. Значит, барон если и не принадлежит напрямую к группе противников Творца, то сам по своим взглядам к ним очень близок.

А жаль, очень жаль... Постой, сказал внутренний голос в сильнейшем удивлении, чего тебе жаль? Ты сам такой! Должен радоваться, что нашелся человек, с которым совпадают даже взгляды на столь сокровенное!

Да пошел ты, ответил я внутреннему голосу раздраженно. Я вот та свинья, что не хочу быть среди других свиней. Мне бы среди оленей... или лебедей... хоть жопа и всегда в воде, но все-таки не свинья с эльфячьими ушами...

Я пересилил себя, я же не эльф, чтобы интеллигентничать, когда нужно быть государственным, заговорил рассудительно:

– У нас, благодаря такому сотрудничеству, может быть не только лучшая в мире профессиональная армия! А спорт? Умные в спортсмены не очень рвутся, им интереснее в монастырях книжки читать и опыты с горохом проводить в интересах лженауки, зато в боксе у них кишка тонка. А тролли в сверхтяжелом весе всех замесят! А еще баскетбол или футбол заведем...

Он вежливо помалкивал, не понимая ни слова, но сюзерен мыслит вслух, ненавязчиво показывая вассалам, что он везде побывал и все видел.

– Есть много областей человеческой деятельности, – рассуждал я дальше, – где ума не требуется. Например, индустрия развлечений. Тролли на эстраде – это самое то, все будут в восторге. В конце концов, и наркотики, как и спорт, лучше всего распространять среди троллей. А без них все равно не обойтись: наркотики – неотъемлемая часть высокой культуры и продвинутой цивилизации. Чем общество демократичнее, тем наркотиков больше.

Он вздохнул:

– Как все сложно и непонятно!

– А вы будьте проще, – посоветовал я отечески. – Будьте проще, барон. И тролли к вам потянутся!

Глава 9

Первый привал сделали, когда изнемогли кони, но сами тролли, что двигались пешком, вроде бы и не устали. Уже и барон Альбрехт начал посматривать на них с деловым интересом. Тролли отказались положить в сани тяжелые топоры, идут хоть и полуголые, но в шлемах, сапогах, звериные шкуры укрывают от холода и повреждений только от пояса и колен, каждый держит тяжелый щит из дубовых досок, налитые злобой глазки зыркают подозрительно по сторонам в поисках врага.

– Крепкие звери, – произнес он наконец. – В конце концов, если их в самом деле реально как-то использовать...

– Придумаем, – заверил я. – Отдельные прецеденты уже были...

– Где?

Я сказал неохотно:

– Император Карл привлек в свое войско всех, кто может нанести урон противнику. Правда, сам он не соприкасался с троллями. В смысле, они как бы шли сами по себе рядом с его войсками, но нападали на одного и того же.

– Подлый прием!

– Согласен. Кроме того, там на самом побережье, что по ту сторону Хребта, особо богатые люди иногда для шика заводят в качестве привратников троллей.

Он воскликнул шокированно:

– Господи, а что ж остальные горожане?

– Там почти Юг, – ответил я с тоской. – Собственно, я не знаю, что на Юге, но о моральном климате догадываюсь.

– И у нас будет, – спросил он, глядя мне прямо в глаза, – как на... Юге? Сэр Ричард, я хоть и не всегда ревностный христианин, но все же... временами... я не совсем...

Я поспешно выставил вперед ладони:

– Сэр Альбрехт, остановитесь. Я сам верный воин церкви! И ни в чем не поступлюсь ее интересами. Однако интересы церкви определяет не далекий папа римский, а мы все определяем. И все способствуем росту ее мощи и влияния. Или не способствуем. Если для торжества наших идеалов поставлю охранять священные рубежи Армландии троллей, а детей рыцарей посажу за учебу, то Господь скажет: молодец, сэр Ричард!

Он сказал с сомнением:

– Скажет ли?

– Еще и по плечу похлопает, – заверил я. – У нас не деспотия, чтобы о каждом шаге спрашивать вышестоящего. Можно и напрямую. А там, где неграмотный деревенский священник возмутится, просвещенный кардинал поймет и тоже скажет, что мы правы.

С неба смотрит то самое солнце, что «светит, но не греет», однако я чувствовал его тепло и заботу: мороза нет, снег вот-вот начнет таять, ветерок совсем легкий, да и то в спину.

Конные разведчики рыскали, как муравьи в поисках добычи, а когда сэр Растер властно распорядился о скором привале, быстро отыскивали удобное место в небольшой роще впереди. Обоз оставили под охраной с той стороны, племя оккупировало рощу, а рыцари расположились по краям. Если нас и увидят, то мало ли чего благородные едут из одного замка в другой...

Когда мы с бароном въехали в рощу, тролли уже вокруг костров, женщины быстро варят в котлах похлебку со свиной, но тролли, как я заметил, вполне могли бы удовольствоваться и сухим пайком. Большинство рыцарей почти свалилось от усталости, сидят рядом с троллями измученные и поникшие. Порой бурдюк с вином, обходя троллей по кругу, попадает и к рыцарям, и я не видел еще, чтобы они тут же передали дальше, предварительно не присосавшись к горловине.

Разведчики, сменив коней, снова умчались, взметывая тяжелый снег. Я сотворил чашу горячего кофе, медленно отхлебывал большими глотками.

– Думая о будущем, – сказал я задумчиво, – мы должны планировать нашу столицу... кстати, а где у нас столица?... как мировой центр культуры и прочего искусства. А где культура, там и контркультура, а также всяческий андрегаунд. Вот искусство троллей как нельзя лучше...

Барон Альбрехт, у которого и так голова шла кругом, воскликнул ошалело:

– Сэр Ричард! Искусство? У троллей?

Я укоризненно покачал головой.

– Если общество будет толерантным и политкорректным, то... гм... многое будет признано искусством. Заговорят о внесении национальных мотивов, именно национальных, так как слово «расовых» мы гуманно и толерантно запретим во избежание санкций мирового сообщества. Скажут даже про обогащение культуры восточными или там троллячими мотивами... Словом, на всех евровиденьях все первые места будут нашими.

Он спросил с некоторой настороженностью:

– Евровидения? Это что, тоже культура?

Я отмахнулся.

– Шутите? Это для троллей. Сама культура кому нужна? Никто сейчас при слове «культура» не хватается за пистолет, ишь, легкой смерти захотела! На культуру просто не дают денег, чтоб умерла не сразу, а долго и в красивых муках, оглашая воздух жалобными стонами, что вообще-то тоже искусство... Эстетика смерти называется, основная составляющая андеграунда. Нет, умирать андеграундники не любят, но поговорить...

За спиной послышались энергичные возгласы. Вождь и его помощники поднимали племя, нечего рассиживаться, впереди – великие дела и освоение дикого леса. Послышалось шипение костров, их засыпали снегом, из леса высыпало ведомое сэром Растером зеленокожее племя.

Караван на ходу выстроился в линию и двинулся по дороге, оставленной разведчиками.

Жизнь зимой в самом деле замирает, я убедился в этой истине, когда за целый день, двигаясь по проторенной дороге, не встретили ни одного человека. Правда, переселение пришлось на день какого-то святого, нужно сидеть дома и жрать особым образом приготовленный пирог с мясом и рыбой, но не все же религиозные, а как насчет еретиков?

Лишь однажды я, находясь в группе разведки, увидел ползущую из леса телегу, полную хвороста. Я проскакал вперед и велел гнать побыстрее, а то сзади лорд, вдруг да велит вздернуть наглеца, ворующего ценную древесину. Бедный селянин так перетрусил, что даже не стал оправдываться насчет «нам разрешено». Сегодня разрешено, а завтра сеньор решит запретить на том веском основании, что ему вожжа под хвост попала.

Я проследил, как он безжалостно настегивает конячку, даже сам бежит по колено в снегу рядом и помогает тащить нагруженные сани, в остальномезде белое безмолвие под ясным чистым небом. Зайчик вопросительно ржанул, я повернул назад.

Теперь небо то застилают тучи, то проясняется, затем снова весь низкий и неопрятный небосвод затягивает плотным покровом. Впервые прояснилось только к вечеру, однако сквозь тучи я рассмотрел низко на западе смутно красноватое пятно над самым горизонтом. Солнце садится, вот-вот наступит черная, как смола в преисподней, ночь.

Тролли шли мимо, бодро вздымая снег. На плечах топоры, кто-то заревел походную песнь, вождь открыл пасть для грозного окрика, но Растер помахал ему успокаивающе, мол, никого нет близко, не услышат, разведчики рассыпались также справа и слева.

Короткий зимний день сменился закатом, затем пала лунная ночь. Свет красиво и таинственно растекался по белоснежной поверхности. Возницы продолжали настегивать усталых коней, сани хорошо скользят по накатанной дороге. У самой околицы спящего села мы свернули, чтобы не топтать через все людское скопище, а затем снова вышли на твердую дорогу.

Растер то и дело выезжал вперед, наконец примчались разведчики, нашли хорошее место для ночной стоянки. Я вздохнул с облегчением, но подошел вождь, собранный и накачанный звериной силой, словно только что проснулся, заявил, что зимой ночи слишком длинные, а дни короткие, так что будут идти еще полночи, не меньше. Позорно отдыхать, когда можно идти!

– Золотые слова, – сказал я с чувством, – и, конечно же, я слышу их от тролля!

Он прорычал с подозрением:

– А что, люди так не говорят?

Я отмахнулся:

– Люди говорят: самый плохой день отдыха все же лучше, чем самый хороший рабочий день... если видишь, что кто-то отдыхает – помоги... А еще насчет того, что лучше стоять, чем идти, лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть...

Он прорычал гневно:

– Что за подлое племя?

– Люди, – вздохнул я. – Мало они от нас, троллей, научились... Ничего, вот захватим власть, попляшут они со своей демократией!

Я прикинул, что за первые сутки прошли сорок миль, чему несказанно порадовался больше всего барон Альбрехт, он все время ожидает какого-нибудь срыва. Тролли подустали, но готовы двигаться дальше так же мощно и целеустремленно, однако отказались наши измученные кони. Привал организовали в попавшейся кстати небольшой роще, костры жгли в ямах.

Я помалкивал, видя, как усталые люди сидят рядом с троллями и греют руки у костра, как жарят мясо и передают по кругу большие фляги с вином. Когда придет беда, то и медведя папой назовешь, а в трудностях не до соблюдения чинов и расовой чистоты.

Сэр Растер так вообще среди троллей, его только по рыцарским доспехам и отличаешь от этих простых и даже очень простых ребят. У их костра хохочут громче всех, там по кругу ходит не фляга, а огромный бурдюк, а шутки такие соленые, что у коней белеют уши.

Тролли с оружием в руках расположились вокруг обоза, охраняя жен и детей. Мы в свою очередь рассредоточились еще шире, чтобы вовремя перехватить всякого, кто выйдет на дорогу и приблизится к роще.

За второй день одолели тридцать миль, я прикинул, что еще сутки – и войдем в намеченный лес. А там уже никто нас не обнаружит, лес пользуется дурной славой. Даже хворост берет с самого края, а вглубь не решаются ни охотники, ни грибники.

Повеселел и вождь. Теперь его больше всего волновало, хватит ли захваченных припасов. Я сообщил, что так же тайно к этому лесу везут свиней и поросят, гусей, плюс корм. Мы рассматриваем их как союзников, а если на них будут нападать люди – поддержим, как родню. В смысле, гуманитарной помощью, что включает в себя полезную информацию, продовольствие, некоторое кредитование... А если сами начнут совершать набеги, то будем поставлять оружие.

На третий день тролли вроде бы подустали, однако не только сами двигались неустойчиво, но помогали коням тащить сани. Я все прикидывал, как будем управляться, если встретим группу купцов, отряд воинов или просто крестьян, на все должен быть свой гитик, когда вдали среди белого безмолвия протянулась черная полоса. Сэр Альбрехт тоже заметил, благочестиво перекрестился.

– Слава Господу!.. Ваша безумная затея, кажется, не провалилась.

– Ну, спасибо, – ответил я несколько уязвлено. – Присоединяйтесь к сэру Растеру. Он сейчас напрямик через лес прямо к заброшенному замку... Люди устали, зато там отдохнем.

Он покрутил головой.

– Я предпочел бы хоть ползком обратно, чем отдыхать с троллями.

– Нельзя, – сказал я сожалеюще. – Надо помочь им обустроиться. А то скажут, что бросили их на произвол судьбы.

– А вам не все равно, что скажут?

Я сказал тихо:

– Я же говорил, у меня на них виды.

– Господи, – произнес он несчастным голосом, – я думал, вы все шутите!

И, повернув коня, поехал к сэру Растеру. Вскоре я наблюдал, как они вдвоем обогнали головные сани и пошли тяжелой рысью в сторону леса. Раздался крик, их догнал вождь с одним из телохранителей. Я с тревогой наблюдал за жаркой перепалкой, не слыша слов, затем все четверо, двое на конях, двое пешком, направились к лесу.

Усталые кони с трудом двигались даже по накатанной колее. Я представил с тревогой, что, когда сойдут с нее, совсем завязнут. Стало жалко животных, но я же политик и должен мыслить большими категориями. Даже на потери не должен обращать внимания, если те в пределах допустимого.

Когда лес начал приближаться, мое сердце почему-то сжалось. Как иногда бывает: все идет хорошо, гладко, даже слишком хорошо, а потом р-р-раз, и все кувыркком. Нам повезло пройти сотню миль и суметь избежать контактов с местным населением. Но на самом последнем шаге может все рухнуть...

Ветви заколыхались, стряхивая снег, показалась массивная фигура, похожая на снеговика. Человек разогнулся на коне, я узнал сэра Растера. Сердце екнуло, от сэра Растера можно всего ожидать.

– Стучилось что?

Он хмуро покачал головой:

– Не...

– А где остальные?

Он понял по моему лицу, что я думаю, небрежно отмахнулся.

– Вождь смотрит замок. Это ж теперь его хозяйство. Сэр Альбрехт оценивает, во что обойдется ремонт.

– Не опасно? – спросил я.

– Разве что с лестницы упадут, – Растер пожал плечами. – Там поручни сгнили.

– Как вождь?

– Доволен, – заверил Растер.

– Слава Богу, – выдохнул я. – Видите, сэр Растер, как я вам доверяю? Не видел того замка, все решал только по вашему слову!

– Мое слово – адамант, – сказал Растер гордо. – Хоть и пьян был, но такое забыть?

– Очень страшно?

– Увидите.

Я кивнул и заставил себя остаться, пропуская мимо обоз. Сани скрипели, взмыленные кони почти падали, наваливаясь на постромки. Один тролль грубо расхохотался, мол, коням сейчас и собственные уши в тягость, ухватился за оглоблю и пошел рядом с конем, помогая тащить тяжелые сани.

В арьергарде два десятка рыцарей, еще больше при них легких всадников. Я взмахом руки послал их на обгон обоза, теперь уже можно. На последних санях куча детей под меховыми шкурами, визг и драки, растут настоящие мужчины, защитники племени и свободы, истинных ценностей и собственного пути к цивилизации.

Я въехал в лес последним, держась широкой колеи. Могучие стволы расступились нехотя, сразу грозно и предостерегающе потемнело. Я настороженно по сторонам, лес слишком мрачен, суров и не по-хорошему тих. За все время ни одна птица не спорхнула с ветки, ни один зверь не перебежал дорогу.

Глупости, сказал я себе тревожно. Только что прошел такой обоз, да такая толпа орущих троллей, это ж распугало все зверье на милю вокруг.

И все равно тревожное ощущение не отпускало до тех пор, пока не увидел за деревьями костры, не услышал барабанный бой и победную песню троллей. А потом деревья расступились, я увидел черные, как ночь, стены.

Замок невысок, зато вширь это не замок, а настоящая крепость. Стены кое-где обвалились, ров тоже сровнялся с землей, от подъемного моста полурассыпавшиеся бревна, на месте ворот зияет пустой провал, от железной решетки на земле только рыжие полосы ржавчины, но сам приземистый донжон вроде бы цел.

Когда я подъехал, часть троллей уже выгребала снег из помещений, куда он набился через прохудившиеся крыши, другая часть спешно пилила и рубила деревья, а поленья таскают в два центральных зала, куда не проникли даже сквозняки. Полыхают не только камины, тролли разожгли костры везде, откуда удалось убрать снег.

Женщины торопливо осваивают исполинскую кухню, вся металлическая посуда уцелела, даже часть глиняных горшков и кувшинов. Когда я обошел замок и снова ввалился вовнутрь, там уже пахло бараньей похлебкой. Готовят не только на кухне, но и в центральном зале на жарком костре, расположенном в самой середине. Впрочем, каменные плиты пола вряд ли загорятся.

Вождь, разгоряченный и покрикивающий на воинов, догнал меня и звучно хлопнул по плечу.

– Спасибо, собрат!.. – проревел он, широко разевая зубатую пасть с торчащими наружу клыками. – Мое племя этого не забудет!

Я отмахнулся:

– Брось. Мы должны помогать друг другу, иначе люди нас затопчут. Среди них есть и хорошие, но плохих больше.

– Ты прав, – прорычал он. – Но ты помог просто не знаю как! Мы у тебя в долгу.

– Сочтемся, – сказал я легко. – Отсиживайтесь пока, обустраивайтесь, укрепляйтесь. Не делайте вылазок из леса, пока замок не укрепите как следует. Он может стать вообще несокрушимым! В этом лесу, кстати, много дичи.

– Да, мы видели следы.

– Я тоже видел, – соврал я. – Ладно, пойду посмотрю, где еще понадобится помощь.

Самые большие костры полыхают не в замке, а у входа. В огонь валят целые деревья, а подстреленных по дороге разведчиками оленей жарят целиком, разве что содрали шкуры и отрезали головы.

Да, я уже вижу ядро будущего спецназа Армландии.

Глава 10

Утром собрались в обратный путь, сэр Растер шумно обнимался с вождем, оба ревели и бряцали доспехами. Митчелла тролли хлопали по плечам и приглашали приезжать почаще. Он, уже пьяный с утра, блаженно улыбался во весь рот и в свою очередь звал к себе в гости, обещая устроить такой пир, такой пир...

Мы с вождем тоже обнялись на прощание, я сказал значительно:

– Как сказал один великий тролль: «Есть упоение в бою у бездны сладкой на краю!» Людям нельзя верить, а недоверие всегда ведет к войне!.. Справедливой и священной. Войны все справедливые и священные. И всегда.

Барон Альбрехт, что уже усвоил мою генеральную линию, поддакнул:

– Война слишком важное дело, чтобы доверять ее людям!

– Да великий вождь Кандлер уже понял, что мы скоро дадим ему возможность показать доблесть троллей во всей красе!

– Ага, – ответил вождь хищно, – здесь мы развернемся!.. Крепость хороша, это не прежняя наша деревяненькая...

Наконец рыцари взгромоздились на коней, тролли провожали нас до самой опушки. Дальше поехали все так же под руководством Растера, но теперь больше всех беспокоился барон Альбрехт: следил, чтобы ни у кого не мелькнуло баннера, а сам развернул странный штандарт с изображением дракона и двух скрещенных мечей.

– Это знамя графа Баттерли, – объяснил он. – Подданного короля Гиллеберда. Если нас кто узрит, пусть думают, что это граф со своими людьми сюда являлся.

– А сам граф далековато? – спросил я.

Барон ухмыльнулся.

– Он на другом конце королевства. Но здесь у него некоторые интересы. Так что повод ему здесь бывать тоже есть...

Сэр Растер подъехал, послушал, неодобрительно покрутил головой.

– Все-то вы, барон, знаете. Вашу энергию да знания на доброе бы дело... ну там посидеть, выпить, баб позвать, а вы такую ерунду запоминаете!

– Но пригодилось же, – вступился я за барона. – Знаний лишних не бывает.

– Ну, – пробурчал Растер, – если приобретаются сами. Р-р-раз, и залетело в ухо! И застряло. Или в славном бою запомнилось. А то барона совсем редко за столом узришь... Пряма даже не знаю, что у него за болезнь – книжки читать!.. Га-га-га!

Альбрехт покосился на него с таким интересом, словно ожидал увидеть зеленую кожу, но Растер сегодня еще красномордее, чем обычно, гогочет, раздувает грудь и гордо поводит плечами. Операция прошла успешно, мы заполучили нехилого союзника. Конечно, в приличном обществе за свой стол тролля не посадишь, это все равно что простолюдина, но в полевых условиях можно даже не креститься, как объясняют священники, и не читать молитв, если для этого нет времени. Значит, и с троллями можно общаться.

Я покачивался в седле, на морде блаженная улыбка от выполненного важного дела, в черепе неспешно проползают мысли, что вообще-то целые области человеческой деятельности уже практически целиком отданы троллям. Спорт, эстрада, байкерство, альпинизм... да мало ли что еще. Даже часть литературы: падонковская, митковская и прочая андеграундная, а еще область фантастики, где такие же тупые тролли, как и сейчас, делят галактику, защищаются от вторжения внегалактических троллей... Еще они же всегда строили дороги, служили телохранителями...

Великий и ужасный тролль Тайсон всегда был грозой как для троллей, так и всяких прочих существ, а до него гремели жуткой славой Мохаммед Али, Сони Листон... Правда, сейчас наши тролли поменяли цвет, но все равно – тролли...

Да мало ли еще где тролли, все сразу и не вспомнить!

Разведчики спугнули стадо диких свиней, что вышли на крестьянское поле и роются в снегу, вытаскивая промерзлую ботву. Пару кабанов все-таки догнали и утыкали копьями, от этого операция по переселению троллей стала еще успешнее.

На привале кабанов освежевали, костров развели с десятков, мяса хватило на всех, хотя вина уже не осталось. Зато прибавилось разговоров, как и кто общался с троллями. Все бахвалились безумной отвагой, дружбой с этими чудовищами, все преувеличивали их силу и свирепость, и вскоре мне показалось, что вина вовсе и не требуется, чтобы вот так распускать языки и животы.

Барон Альбрехт, оставив своих людей у костра, приблизился и, вежливо испросив разрешения, сел рядом. Его серые глаза следили, как бегают огоньки в крупных багровых углях, наконец поинтересовался тихо и осторожно, не отрывая взгляда от костра:

– Каковы дальнейшие планы?

– Дальнейшие, – переспросил я, – это что?

Он повернул голову, серые глаза строго и ясно посмотрели теперь в мои глаза.

– После того, как упрочите власть над Армландией.

Я ухмыльнулся.

– Теперь уже не сомневаетесь?

– Я и раньше не сомневался, – напомнил он кротко. – Просто напоминал, чтоб не зарывались.

Я подумал, широко улыбнулся.

– Ну как же, это же ясно! Устроим грандиозный пир, соберем всех красивых женщин, свезем все лучшее вино... Ага, лучших музыкантов, ясно. И запируем на несколько лет! А то и на всю оставшуюся жизнь.

Он поморщился:

– Сэр Ричард, я серьезно.

– А что, такой вариант маловероятен?

– Для вас – да.

Я сказал серьезно:

– Когда вся Армландия будет под твердой рукой, надо добиться мира и процветания на отныне наших землях. И когда обеспечим сытость и благополучие, начнем просвещать народ, обучать грамоте...

Мне показалось, что повторяю чьи-то слова, вспомнил светлого ангела, который темный, скривился, все-таки мною рулят, я же планирую делать все так, как он и велел, с другой стороны, я же не полный придурок, что назло маме отморозит уши.

– Начнем просвещать народ, – повторил я с нажимом. – Потому что этого я хочу!

Сэр Альбрехт смотрел встревоженно, но промолчал, догадываясь, что я веду спор и с кем-то еще незримым.

– Всё, что мне нужно, барон, – объяснил я терпеливо, – это теплая постель, доброе слово и неограниченная власть. Потому сразу же по весне возьмемся за насаждение демократии по всей Армландии. Как вы знаете, люди рождаются свободными и неравными. Не секрет, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и оправданно. За них будем думать мы, в смысле я, как отец нации.

Он спросил с интересом:

– А за свободных?

– Свободные пусть сами думают, – пояснил я, – чем быть полезными Отечеству. Нам нужна великая национальная идея, чтобы объединила всех, свободных и несвободных! И тогда Армландию ожидает невиданный взлет. Мы поднимем экономику, проведем дорогу, найдем применение дуракам, оживим торговлю, выстроим новые поселки для обслуживания новых рудников...

– А потом?

Я двинул плечами.

– Странные вопросы, барон! Когда укрепим экономику и обороноспособность, конечно же – понесем свободу в угнетенные страны, равенство и братство – словом, победоносную войну. В которой победитель заберет все, кроме жалких оправданий побежденного, потому что чужого нам не надо, но свое возьмем, чье бы оно ни было. Нам нужны будут жизненные пространства и доступ к промышленным ресурсам. Пока только к железу и углю, но нефть тоже подгреем для будущего большого скачка.

Он ухмыльнулся.

– А я слышал, что лучшее правило управления – не слишком управлять.

– Свобода рынка, – сказал я понимающе. – Барон, мне, по большому счету, по фигуре вопли угнетенных. Рынок всегда двигали беспринципные пираты и олигархи, и я целиком «за», если эти олигархи будут укреплять мощь Армландии. Большая политика – это всего лишь здравый смысл, примененный к большим делам, а здравый смысл говорит о том, что социальные проблемы надо решать не раньше, чем с ножом к горлу полезут. Если не лезут, значит – сидите там.

Он покачал головой:

– Не слишком ли хотите многого?

Я воскликнул:

– Что вы, барон! У меня вообще только одно-единственное желание! Чтобы исполнялось всё, что я хочу.

Обратный путь занял почти столько же времени: хоть и без груза, но кони едва дотащили нас до замка Эстергазе, а в Орлиный замок послали гонца, что все благополучно, скоро придем люди для укрепления обороноспособности.

На лестнице я перехватил слугу и велел подать лучшего вина в свои покои. Воздух в замке сухой и теплый, после ночевки в лесу даже на прогретый пол упасть и заснуть – рай. Я с отвращением стягивал тяжелые доспехи и швырял в угол. Слуги торопливо расставляли на дорогом инкрустированном столе посуду и золотые кубки.

– Веселитесь, – сказал я милостиво. – Объявляю выходной до самого утра.

Они ушли, суетливо кланяясь, я рухнул за стол. Две бутылки с дорогими винами, три золотых кубка разной емкости, вдруг да в процессе питья изволю сменить ритм, на отдельном блюде истекают жидким золотом медовые соты: уже все знают, что люблю сладкое.

Я со вздохом протянул тяжелую длань к бутылке, пальцы вздрогнули, не успев коснуться бутылки: из каминного огня вышел скромно одетый человек в потертом сером камзоле, таких же серых брюках, только сапоги переливаются недоброй багровостью.

Он издали светски улыбнулся и отвесил изящный поклон.

– После дел праведных, сэра Ричард?

Я проворчал:

– А вам хотелось бы, чтобы неправедных?.. Присаживайтесь, сэра Сатана. Какое вино предпочитаете? Правда, выбор невелик...

Он опустил за стол напротив, приятная улыбка не покидала его умное удлиненное лицо. Серые глаза смеялись, я вообще редко видел, чтобы он хмурился или гневался.

– Праведные, неправедные, – возразил он с лучезарной улыбкой, – всего лишь слова... Нет ни тех, ни других, а только эффективные и неэффективные. У вас вот всегда крайне

эффективные, просто удивительно!.. Вино? Да у вас и вино хорошее, сэр Ричард. Любое. Разница между ними невелика, вы знаете.

– Ну тогда начнем с той, – сказал я, – что ближе. Вам в какой?

Он указал на самый маленький кубок.

– Этот, если вы не против.

– Не против, – ответил я, – вы же гость. Хотя сам бы начал с него.

– И на нем бы закончили, – обронил он серьезно. – Уже на втором. Максимум – на третьем. Вы никогда не напиваетесь, сэр Ричард! Еще один важный плюсики вам.

Я наполнил его кубок до краев, как говорится, с горбиком, но Сатана поднял его, не пролив. Мы не стали чокаяться, только кивнули друг другу. Я отпил половину, Сатана тоже не стал осушать целиком, разом опустили на стол, я тут же, как примерный официант, которому вид опустевшего бокала служит сигналом, наполнил снова.

– Я заскочил к вам, – сказал он, – выразить свое искреннее восхищение. Даже взятие Орлиного гнезда было шедевром, но это всего лишь блестящая победа, так что я порадовался за вас, но занимался своими делами. Но когда вы отправились к троллям... это было нечто! А когда я послушал, что вы говорите своим меднолобым...

Я поморщился.

– Со времен Троянской войны медные шлемы уже не носят. Как и медные доспехи.

– Словосочетание осталось, – ответил он с улыбкой. – Словом, я был просто потрясен. Я никак, ну никак не мог ожидать такого поворота! Вы не перестаете меня удивлять и восхищать, сэр Ричард!

Я спросил настороженно:

– Вы о чем, сэр Люцифер?.. Простите, сэр Сатана?.. Или Везельвул, как вам удобнее?.. Вы только скажите.

Он отмахнулся.

– Да какая разница? Вы тоже успели совсем недавно побывать и Светлым, и Диплодоком, и еще чем-то... «Сатана» меня вполне устраивает. «Шайтан» хоть и похоже, но в данном случае несколько неуместно... Я хочу сказать, что я ну никак не предполагал, что так быстро сумеете установить контакт с троллями! И даже поставить себе их на службу!

– Еще не поставил, – напомнил я осторожно.

– Но поставите же? Вы идете даже быстрее, намного быстрее по той дороге, которую я считаю для вас самой перспективной! Ведь в самом деле, какие открываются возможности, если использовать троллей!.. Грубая нерассуждающая мощь, минимальные запросы, крохотные потребности, полное подчинение военному лидеру, преклонение перед силой и жестокостью... это же мечта любого правителя!.. Вы не подумывали вообще-то объединить троллей, возглавить и повести на завоевание мира?

– Уже водили, – ответил я. – Как насчет здесь, не знаю, а у нас эти аттилы недолго завоевывали... Если и планирую использовать троллей, то на весьма определенных участках. На строго отведенных только для них работах. В первую очередь – охрана государственных границ, работа пропускных пунктов, таможня, борьба с наркотрафиком... Насчет использования внутри страны, гм, еще не думал. Возможно, и не стану их привлекать для слишком деликатных работ.

– Деликатных... это какие?

– Да вот определяюсь, – объяснил я сумрачно. – Разве что для разгона демонстраций? Особенно если сексменьшинства с требованиями...

– Для разгона?

– Ну да, – подтвердил я. – Дубинки лучше всего смотрятся в лапах троллей. Еще знаю, что спорт – единственный способ сохранить качества первобытного человека, потому тролли в нем как рулили, так и будут рулить даже в Армландии. И никогда эльф не побьет Тайсона, в смысле

тролля, он даже не выйдет к нему на ринг. А тролль побьет другого тролля, получит сундук золота, а на золото к нему слетятся самые красивые и трепетные эльфийки. Если, конечно, позволить троллям войти в наше общество.

Он перестал улыбаться, глаза стали серьезнее.

– Думаю, вы позволите. В тех или иных границах. Вы уже продемонстрировали потрясающую толерантность! Узколовая церковь непримирима к любому инакомыслию. Тролли для нее в списке уничтожения на втором месте после еретиков, ведьм и раскольников. Вы же вовлекаете троллей в цивилизованную жизнь, это великое дело и великое достижение прогресса и цивилизации.

Я спросил угрюмо:

– Похоже, вы просчитали, что будет дальше?

Он покачал головой, на губах снова заиграла улыбка:

– Нет, это пока слишком сложно. Данных мало, они уникальны, а векторов развития чуть ли не бесконечное множество. Но понятно, на троллей подействует облагораживающее влияние культуры людей... но еще больше и сильнее – люди начнут перенимать обычаи троллей. Они проще, понятнее, а человек всегда стремится к простоте.

По моей спине пробежала струя холодного воздуха. Я смотрел в смеющиеся глаза, и чем больше вглядывался, тем страшнее становилось. Да, любой гуляка праздный настолько привлекательнее усердного труженика, что даже труженики стараются походить на беспечных героев, которые не хотят ни работать, ни учиться, а им как бы все с неба падает. Кто подворовывает или внаглую грабит, кому предки отстегивают, а кто-то крышует богатеньких слабаков. Так что да, многие захотят подражать троллям.

– Хорошо, – проворчал я, – хоть сказали «обычаи», а не «культура троллей».

– Да просто не люблю этого слова, – ответил он, слегка сморщив нос. – А так все верно, культура троллей. А что?

– Я тоже не люблю это слово, – согласился я. – Так и тянется рука к... мечу. Затаскали! Это называется благородным термином «расширение понятия». Уже и зверства инков, ацтеков и майя начали называть культурой, а потом и вовсе – плесень в пробирке тоже культура! Я, знаете ли, не политкорректен. И тролли будут там, где им надлежит быть. Не дальше.

Он смотрел с интересом, улыбнулся.

– А как сумеете удержать?

Я огрызнулся:

– Уж постараюсь! Сам не смогу, так партию власти создам себе в поддержку. А то и гайки закручу, в смысле, узел на мешке завяжу потуже. Я особенный демократ, с уклоном в просвещенную автократию и даже тоталитарную. Для сохранения базовых ценностей могу и на непопулярные меры, я же личность, а не угадыватель желаний толпы электорателей...

Он кивнул, глаза стали серьезными.

– Я понимаю вашу тревогу. Даже разделяю в чем-то. Просто бывают ситуации, когда любого политика несет мощное течение, а противиться не может. Не думаю, что интеграцию троллей в общество людей сумеете удержать под контролем. А раз так, то влияние троллей будет все расти.

Он умолк, я ощутил недосказанное, спросил с нажимом:

– До каких пор?

Он смотрел на меня прямо и не отвечал. Мне стало страшнее, я повторил:

– До каких пор?.. Получат право голоса? Из спорта придут и в политику?

– А как вы думаете?

Я подумал, меня от макушки и до пят осыпало морозом.

– Да что тут думать... Уже приходили... И спортсмены, и клоуны, и убийцы... Многие уже в Госдуме... Ну, убийцы – ладно, кто из нас не убийца, здесь претензий нет, все люди и

все человеки, но спортсмены... гм... в смысле, тролли... Я сам чуточку тролль, но стараюсь из себя тролля выдавливать. Седалищным нервом чую, чем грозит отролливание.

Он поморщился.

– Да ничем не грозит! Люди делают свою часть работы, тролли – свою, как вы все верно распределили с самого начала... Где-то происходит взаимопроникновение, это же нормальный процесс! Не понимаю, что за сомнения теперь?.. Вы уже струнули камешек, что вызовет лавину. Ладно, какие у вас планы насчет подталкивания прогресса?

Я посмотрел на него исподлобья.

– Честно говоря, мне не нравится, что подталкиваете на подталкивание... Охота пропадает подталкивать. Начинаю думать, куда это подтолкну... Ну а в общих чертах, все стандартно. Повысить уровень благосостояния, внедрить в массы грамотность... Для этого, понятно, надо открывать новые рудники, плавильни, мастерские, способствовать разведению тонкорунных овец и крупнорогатого... Словом, стандартный набор. Главная проблема любого государства – коррупция, но я наставлю виселиц для наглядной агитации и не постесняюсь ими пользоваться.

Он усмехнулся с недоверием в глубоко посаженных черных глазах.

– Станете ли?

– Стану, – заверил я. – Крестьянина, укравшего яблоко в господском саду, вешать не стану, как делают другие лорды, а вот бургомистра, который берет взятки, сразу в петлю! Я прошел гнилую эпоху гуманизма, будь она неладна, теперь я свободен, свободен!

Он проговорил задумчиво:

– Свободен... Могуущественен и свободен... Именно то состояние человека, которого добивалась Та Сторона, и к чему умело подталкиваем человека мы. Теперь вот напряженное ожидание: как человек поступит?

Я криво усмехнулся:

– Ну-ну, ждите. Я, к примеру, пока не знаю. Точнее, уже знаю, как поступлю и что сделаю, но еще не знаю, на чью чашу весов это уронит песчинку. А так вы правы, сэр Сатана. Только свободный и могущественный человек может позволить себе быть порядочным человеком. И только свободный и могущественный может позволить себе начхать на порядочность. Какая из двух этих истин истиннее?

Он чуть-чуть искривил губы.

– Счастье человека – где-то между свободой и дисциплиной.

– Посредине? – спросил я.

Он поднялся, отвесил шутливо-церемонный поклон.

– Не знаю, каждый определяет для себя сам. Рад был застать вас в добром здравии и бодром расположении духа. Вы не представляете, какое удовольствие я получаю от общения с вами!.. До встреч, сэр Ричард!

Исчезая, он подмигнул мне, и я сразу ощутил запах серы, пахнуло гарью, даже воздух потеплел, словно прогретый тысячами раскаленных сковород, которые лижут грешники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.